

The cover features a central illustration of a hooded figure in a brown robe, holding a dagger with a blood-stained blade. The figure is positioned in a stone-walled interior, possibly a courtyard or a narrow passage. In the background, a stone tower and a cloudy night sky with a full moon are visible. The overall tone is dark and atmospheric.

18+ Книга Эпох
ТЕНЬ БУРЕВЕСТИНИКА

ЧАСТЬ II

Джонни
Рэйвэн

Джонни Рэйвэн

Тень Буревестника. Часть 2

«Издательские решения»

Рэйвэн Д.

Тень Буревестника. Часть 2 / Д. Рэйвэн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-534553-0

Неудачи на работе — обычное дело, и бояться их не стоит. Если только эта неудача — не магический камень, избравший тебя хозяином, а ты — не юный вор по имени Лео, которому грозит исчезновение вместе с таинственным артефактом. В этом случае тебе лучше собрать отряд из монаха, чародея и варвара, и отправиться на окраину королевства, к мастеру-чаровнику, который является знатоком подобных проблем. Пока Лео в пути, ему предстоит узнать много жизненных премудростей. Главное — не останавливаться.

ISBN 978-5-00-534553-0

© Рэйвэн Д.
© Издательские решения

Содержание

События первой книги	6
Пролог	7
Глава 1. Старик, пьяница и предрассветный демон	14
Глава 2. Слова-словечки-шепотки	26
Глава 3. В путь-дорогу	31
Глава 4. О прошлом, настоящем	35
Глава 5. Битва при Кровавой Лейке	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Тень Буревестника. Часть 2

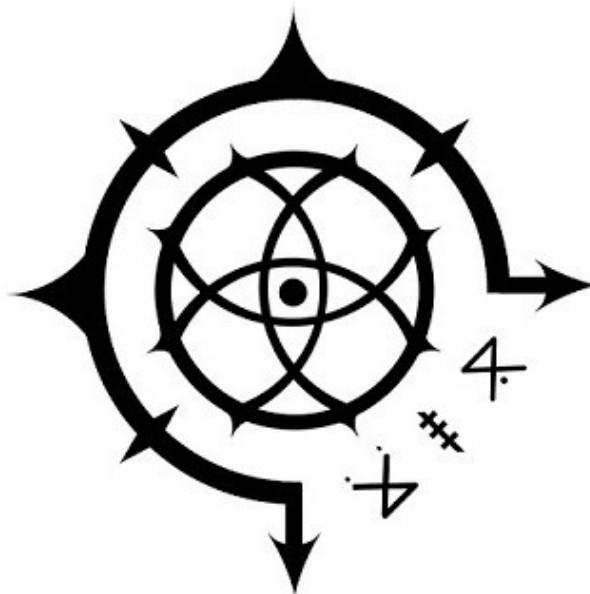
Джонни Рэйвэн

© Джонни Рэйвэн, 2021

ISBN 978-5-0053-4553-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-3262-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Неудачи на работе – обычное дело, и бояться их не стоит. Если только эта неудача – не магический камень, избравший тебя хозяином, а ты – не юный вор по имени Лео, которому грозит исчезновение вместе с таинственным артефактом. В этом случае тебе лучше собрать боевой отряд из монаха, чародея и варвара, и отправиться на окраину королевства, к мастеру-чаровнику, который является знатоком подобных проблем. Пока Лео в пути, ему предстоит узнать много жизненных премудростей, а именно:

Как договариваться с озлобленной деревенщиной?

Каким оружием бить дорожных разбойников?

Кто поможет найти выход из зачарованного леса?

И чем задобрить горного тролля?

Главное – не останавливаться.

События первой книги

Вор по имени Лео два года скрывался от мести старых врагов. Наконец он возвращается в родной город Миротаун, получив приглашение вступить в уважаемое братство Чёрного Аконита. Лео берётся за испытательный заказ. Когда же ему удаётся выкрасть книгу из секретной библиотеки Инквизиции, выясняется, что пропал заказчик. Расследование приводит Лео в логово культа, который устраивает жертвоприношения и готовится призвать лжебога – могущественного демона Раззоса. В логове культистов Лео находит таинственный камень и едва не погибает, но в последний момент вмешивается третья сторона – его друг детства, чародей Стефан. Друзьям удаётся прервать ритуал и обвалить пещеру, уничтожив культ и закрыв врата в другой мир.

Тем временем варвар Завалон, уроженец далёких островов Разхара, приплывает в Миротаун в поисках убийцы своего брата. Погоня приводит его в церковь, где Завалон прерывает мессу и отказывается подчиниться местной власти. Варвара усыпляют, после чего он становится пленником кардинала-интригана. Тот предлагает обмен: церковь поймает убийцу его брата, если Завалон выполнит для кардинала особое задание.

Чародейка Вэллатрисс ведёт двойную жизнь: днём она занимается делами торговой гильдии, а ночью является правой рукой главы Чёрного Аконита. Девушка исполняет поручение таинственного лидера по имени Безликий. Он приказывает ей принять в братство вора, с которым девушка познакомилась несколько лет назад, когда она выполняла одно из заданий Безликого. Вэль и Лео связывают запутанные отношения: они познакомились несколько лет назад и были вместе, пока жизнь их не развела, однако связь между ними всё же осталась. Лео не знает, что Вэль состоит в братстве, как и не знает, что приглашение он получил благодаря своей бывшей возлюбленной. Чародейка тайно помогает Лео принять испытательный заказ, а затем спасает ему жизнь, убив младшего брата одного из тeneвых баронов.

После битвы в пещере Лео оказывается в башне Ордена магов. Его и Стефана в последний момент спасли маги, вытащив обоих через портал. Друг помогает Лео бежать. Вскоре вор узнает, что камень, который он подобрал в пещере – необычный. К тому же Лео начинает преследовать неизвестный человек, наделённый магическим даром. В итоге вор попадает в плен к церковникам, и его обвиняют в краже книги. Пока он находится под арестом, служители церкви обращают внимание на обнаруженный у пленника камень и просят помощи у чародеев.

Выясняется, что этот камень – сильный магический артефакт, который может причинить большой ущерб. И он привязан к своему носителю – вору Лео. Разъединить их может только один прославленный чаровник, а он находится на окраине королевства. Кардинал, желая выдворить из своего города опасный артефакт, предлагает Лео сделку: тот едет к мастеру-чаровнику, а церковники снимают обвинение в краже. Лео соглашается. Стефан вызывает его помочь. Кардинал приставляет к ним варвара как телохранителя и своего ученика-монаха как представителя церкви.

Отряд из вора, чародея, варвара и монаха готов отправиться в дальний путь в надежде избавиться от таинственного артефакта.

Пролог

Погода с самого утра выдалась хорошей: вовсю сверкало солнце, от моря веяло солью и прохладой, воздух пропитывала тягучая и ленивая, как кошка в полдень, духота. Байро Грейхус, барон по рождению и архимаг по выслуге лет, прогуливался вдоль тенистых аллеек Роци Покоя. Это место он посещал довольно часто – общение с учителем, пускай даже и в форме монолога, давно уже стало для Байро привычным еженедельным ритуалом. Помогало очистить разум, собраться с мыслями и просто-напросто облегчить душу.

На полпути он остановился подле высокого чёрного обелиска. Какое—то время архимаг молча разглядывал высокий монумент, размышляя: а стоит ли сегодня подходить к Памятному Камню? Или настроение и так довольно паршивое, чтобы расстраиваться ещё больше? Наконец решил, обогнул обелиск и, пройдя по узенькой дорожке из белых плит, подошёл к мемориальной стеле. Небольшая, буквально два на два ярда, мраморная плита, казалось бы, впитывала свет – камень был чёрен и пуст, как старый пересохший колодец. Однако же, как только Байро оказался рядом, по центру стелы проявилась серебристая надпись:

«Содал Инник, 1267 – 1299

Йокухим из Тордана, 1187 – 1299

Милла Тук, 1280 – 1299»

Байро тихо вздохнул. Первым в списке был его старый приятель – некогда они частенько посещали довольно скучные для большинства чародеев лекции по Архетипу построения Низкого Чаровничества. Рыжеволосый, лопухий и всегда улыбающийся маг-консул¹ Содал относился к тем редким людям-светлячкам, которые рады всем и каждому. В себе он нёс по жизни волшебный, хотя и не имеющий никакого отношения к магии, согревающий всех вокруг свет. Именно поэтому Байро всегда радовался его компании, даже несмотря на их различное положение в чародейском сообществе и скептическое отношение к подобной дружбе со стороны коллег-архимагов.

Йокухима из Тордана, он не видел уже лет двадцать – с тех самых пор, как тот по состоянию здоровья был вынужден покинуть Совет и попросить перевода на юг. Насколько Байро помнил, этот престарелый чародей всегда имел скверный характер и привычку поносить всё молодое поколение, которое, по его убеждению, не стоило и пяди того могущества, коим обладали маги во времена молодости магистра. Однако это не отменяло того факта, что страшный брюзга Йокухим являлся экспертом высшего класса в области Истории Магии.

Милла Тук – молодая, приятная на лицо и всегда задумчивая чародейка – нравилась Байро, хотя они и виделись от силы раз пять или шесть. После того, как пропал её учитель, Милла настойчиво решила продолжить его дело и добилась перевода в экспедиционный корпус, где точно так же, как и ментор, сгинула в диких землях Нового Света. Вот только в отличие от учителя, ученица действительно сложила голову на далёком от дома рубеже, в то время как он, считаясь официально погибшим, вернулся в Миротаун, где и попытался призвать одного из лжебогов.

– Милла, Милла... Если бы ты только знала всю правду...

– Думаешь, её судьба сложилась бы иначе?

Байро узнал этот холодный и спокойный, как море в штиль, голос. Обернувшись, архимаг уважительно поклонился главе Ордена. Высокий, худой, облачённый в ультрамариновую

¹ Маги-консулы – маги-дипломаты, представляющие интересы Ордена по всему миру. Зачастую служат придворными чародейками при домах знатных лордов.

мантию с серебристыми рунами вдоль канта, Магистр Бурь² Арчибалд ин Дард ответил лёгким наклоном головы. Подошёл и остановился рядом, изучая надписи на стене.

– Вы вернулись.

– Как видишь.

– Рад вас видеть, магистр.

– Благодарю, Байро.

– Как прошло собрание?

– Как обычно. В трёх вопросах договорились. Ещё столько же отложили до следующего раза. А оставшуюся десятку задвинули на пыльную полку, порешив, что срывать голос на соседей и бить себя кулаком в грудь – занятие намного более важное, чем обсуждение грядущего будущего.

– Что же послужило поводом для распри?

– Ты задаёшь мне вопрос, Байро, на который уже заранее знаешь ответ. В чём смысл?

– Я не уверен...

– Неуверенность – плохая черта для любого человека, ибо лучше допустить ошибку, чем вовсе ничего не допустить. Предполагай, Байро.

– Спорные земли Харстада?

– Вот видишь. Ты и сам всё знаешь.

– Неужели сам Чёрный Волк вышел из себя? – не удержался от смешка Байро. – На людях? На Всемирном конгрессе³?

– Чтобы Ульф Сварт вышел из себя? Нет, Байро, я не могу представить, как должны сложиться обстоятельства, дабы глава воддаров⁴ потерял своё гранитное лицо. Сдаётся мне, что даже если его будут отрезать от Дара, то он попросту молча дождётся окончания ритуала и с тем же самым лицом отправится по своим делам.

– Тогда кто же?

– Все остальные, Байро. Все остальные... – глава Ордена откашлялся и сухо поинтересовался:

– Что там у нас по недавнему... подземному делу? Как обстоят дела с Выбросом⁵?

– Теперь уже всё в порядке. С трудом, но нам удалось рассеять эхо Висзуара⁶ без остатка.

– Пострадавшие есть?

– Миллиса, работавшая ближе всего к эпицентру, повредила руки. Ещё пострадали трое хранителей⁷: двоим обожгло глаза, а третий случайно зачерпнул слишком много энергий лжебога. Он отравил свой Стамнос⁸, после чего впал в кому. Епископ Аласид уже сумел помочь всем, кроме этого бедняги.

² Магистр Бурь – титул самого старшего и опытного чародея, главы Ордена. Избирается из числа магистров Старшим советом

³ Всемирный конгресс чародеёв – обязательное ежегодное собрание, куда приезжают представители всех чародейских школ, входящих в Союз Древа магии, чтобы обсудить магические и политические проблемы мирового масштаба.

⁴ Воддары – силовые чародеи нёрдманнов; представляют Ньёрдгальдский орден волшебников, который носит название «Столп воддаров».

⁵ Выброс – процесс высвобождения магических энергий после уничтожения или смерти сосуда. Без постороннего воздействия освободившиеся энергии могут долгое время оставаться на определённой местности, отравляя как землю, так и всех, кто на ней находится; также энергии способны принять стихийную форму, вызвав разного рода катаклизмы.

⁶ Висзуар или мир Зелёного Пламени – один из миров Извне. Чародеи считают, что Висзуар населён существами, жаждущими разрушения всего сущего, а потому ищущими связи с носителями дара, которые могли бы их выпустить в свой мир. Отсюда проистекает один из трёх нерушимых догматов: «Не звать к лживым языкам». В сигнаризме считается, что Висзуар – одна из Трёх преисподних, куда попадают души грешников после смерти.

⁷ Маг-хранитель – чародей, специализирующийся на защитной и охранный магии, а также на рассеивании энергий, оставшихся после Выброса.

⁸ Стамнос – внутренний силовой сосуд, из которого чародей черпает энергии для сотворения чар. Бывает исключительно у высших чародеёв. Стамнос невозможно обрести никаким способом, кроме как родиться с ним.

– Какая нынче добрая у нас Церковь, – холодно хмыкнул ин Дард. – Что сейчас с этим хранителем? Как там его имя?

– Кальт, ученик Фабоуна.

– Этот дурак Фабоун отправил своего ученика работать с энергиями Рагзоса? – ледяным тоном произнёс ин Дард. – Что ж, мне будет интересно узнать, чем таким важным был занят он сам...

Байро, который предупреждал коллегу-архимага, чем это решение может кончиться, внутренне возликовал: теперь от гнева главы Ордена лизоблюда Фабоуна не спасёт даже умение работать языком. Впрочем, Байро тут же пожалел о своих мыслях: ин Дард поругает нерадивого архимага да простит, а вот молодому ученику из-за глупости его учителя грозили страшные последствия.

Байро заглянул в холодные глаза Магистра Бурь и прочитал в них те же мысли. Наверное, прочитал – на самом деле никто и никогда не мог точно сказать, что творилось в голове Арчибальда ин Дарда.

– Так, выходит, этот Кальт всё ещё в коме? – тон главы Ордена уже вновь был сухим, деловым, без капли эмоций. – В него, надеюсь, никто не вселился?

– Нет, что вы, магистр! Мы тщательно отслеживаем и блокируем все попытки Висзуара дотянуться до нашего брата.

– Однако порча всё же пустила корни. А что Аласид?

– Говорит, его сил в данном случае недостаточно. Епископ старался, как мог.

Арчибальд недолго раздумывал, затем ответил:

– Значит, если через пару дней связь с миром Извне не распадётся, отрежьте ученика Фабоуна от Дара.

– Как так? – опешил Байро. – Но магистр... Лишить его связи с магией? Для чародея это как стать калеккой, остаться без рук и ног. Да и велик шанс, что бедняга, будучи в коме, не переживёт ритуал...

Холодный взгляд ин Дарда угрожающе скользнул по лицу Байро и вернулся к стене.

– Мне надо зачитать тебе лекцию об опасности одержимости, прежде чем повторить?

– Нет, магистр. Всё ясно.

– Вот и хорошо.

Магистр и архимаг молча изучали три имени на чёрном камне. Наконец Байро вздохнул и тряхнул каштановой чёлкой, словно пытаясь отречься от той реалии, где все трое были мертвы. Особенно последняя.

– О чём ты вздыхаешь, Байро?

– Просто грустно.

– Отчего же?

– Мы ведь на кладбище. Здесь всегда так. Я бы даже сказал, что любое кладбище, по сути, является квинтэссенцией грусти. Местом её сосредоточения.

– Это смотря как его воспринимать. Если как вместилище горьких воспоминаний об утраченных людях, то да, вселенская печаль неминуемо проживает именно здесь. Но если как обитель умиротворения, покоя и вечной безмятежности, как особое место, где ты можешь навесить того, кто был тебе дорог, и неважно, лежит он при этом в земле, или нет... В общем, всё зависит от наших мыслей, Байро. Всё – в нашей голове.

Байро улыбнулся, но улыбка всё равно вышла грустной. Какое-то время молчали. Тишину нарушил Дард:

– Ты размышлял о том, как сложилась бы судьба Миллы, если бы она знала всю правду о своём учителе. Я прав?

– Как всегда, магистр. Значит, вы тоже узнали его?

– Узнал. А тебе, как я полагаю, рассказал твой ученик Модера?

– Нет. Когда открылся портал, я, как и вы, попросту почувствовал знакомый мне стиль плетения в остаточном действии. Связать остальное было несложно. Стефан ничего мне не говорил.

– Да? – удивился лицом, но не голосом Арчибальд. – Похвально, Байро, очень даже похвально. Никто из ассистировавших мне в ту ночь архимагов так и не смог распознать в ино-родной вязи наш, орденский почерк. Даже такой выдающийся экстрасенсор, как Соник.

– Мне просто повезло, – пожал плечами Байро. – Скажите, магистр... Вы действительно не знали о Падении Лордина?

– Действительно не знал, но, если уж быть искренним, догадывался. Лордин был истинным гением в изучении вопроса Пределов Извне⁹. Особенно Висзуара. Помимо многолетней практики обучения юных адептов противостоянию Запретным Силам, именно Лордин придумал такие чары, как «Витальный Затвор», благодаря чему мы приблизились к Церкви в умении противостоять прорывам Извне. Но в последние годы некоторые из коллег Лордина в Фиалковой школе были обеспокоены его почти что маниакальной одержимостью, попытками отыскать первенствующий блокатор сопряжения нашего бытия с параллелью Зелёного пламени. Я, к своей стыду, не обратил внимания на их опасения. К ещё большему стыду, именно я позволил Лордину возглавить экспедицию в Аморим¹⁰. Видимо, где-то там он и Пал во Тьму. При каких обстоятельствах – уже не важно.

– Пожалуй.

– Однако важно то, что происходит здесь и сейчас. Пойдём, Байро. Прогуляемся.

Магистр Бурь и архимаг вернулись на центральную аллею и неспешной походкой двинулись вдоль множества симметрично расположенных вдоль зелёного поля надгробных плит. В Роще Покоя не был похоронен ни один из почивших представителей Ордена, но, как считалось среди магов, главное – то, что здесь, на серых пластинах, были выщерблены их имена. А значит, и память о них продолжала жить.

– Твой ученик проявил блестящий пример самообладания, – как всегда, сухо произнёс Дард. – Если бы не возраст, то я смело мог бы выдвинуть его на Седьмую Спираль, а не Четвёртую.

– Стефан, действительно, очень одарён.

– Дело не только в одарённости, Байро. Я ощущаю в его поступке взгляды Антроса. Несмотря на то, что твой учитель, в конце концов, всё же сбежал из Ордена и спрятался от общества в своей Башне, некогда он ставил судьбы мира превыше собственного «я».

Слова «сбежал» и «спрятался» всколыхнули в душе Байро гнев и обиду за своего ментора, но уже не молодой архимаг легко отмахнулся от этих чувств, как от мухи. Суть заключалась в словах Дарда. Если Магистр Бурь выходил на личный разговор, то его стоило слушать как можно внимательнее.

– Мало кто в наше время может похвастаться подобными взглядами, Байро. Мы давно уже не трудимся на всеобщее благо, по крайней мере, не на том уровне, на каком стоило бы. К огромному сожалению, умы большинства наших братьев занимают вопросы преумножения личного богатства, расширения круга влиятельных знакомств и, как результат, продвижение вверх по карьерной лестнице.

Байро молчал. Слушал. Ждал.

– Я лишь хочу сказать, Байро, что мало кто поступил бы так, как поступил твой ученик. Именно эта мысль и спасла его. – Магистр в первый раз за разговор посмотрел на архимага. –

⁹ Пределы Извне – так чародеи классифицируют опасные миры, находящиеся за пределами Астральной Дуги.

¹⁰ Аморим – западный континент, где находятся небольшие колонии нескольких крупных государств. Земли Аморима преимущественно дикие и неосвоенные, относятся к Новому Свету.

Если бы не это откровение, я бы так и не позволил вам открыть портал. Понимаешь, о чём речь?

Байро кивнул. Светлые глаза Дарда были непроницаемы.

– Мы в ответе за будущее, ибо возвращаем его здесь и сейчас путём воспитания следующего поколения. – Магистр позволил себе скупую улыбку. – И я лично считаю, что ты на верном пути. Хотя, чего мне стоило ожидать от ученика легендарного Лазурного чародея?

Байро улыбнулся в ответ. Лести здесь не было ни на пядь, и оба прекрасно это понимали. Улыбка служила инструментом уважения, а не вежливости.

– Однако вернёмся к делам насущным. Моё срочное отбытие из города сразу после той памятной ночи, к сожалению, не остановило логичного течения времени. Знаешь, это так обидно – понимать, что где-то происходят какие-то волнующие тебя события, но при этом ты не в силах принять в них должного участия. Меня, Байро, по возвращении проинформировали о довольно интересных альянсах, кои теперь заключаются в стенах Северной Жемчужины. Догадываешься, о чём я?

Байро не ответил, ибо вопрос был чисто риторический. Однако послал мысленно проклятие на голову этого лизоблюда Ланарда Фабоуна.

– Я слушаю тебя, Грейхус.

Байро едва удержался от вздоха. Почувствовал, что взмок. Но как истинный чародей взял себя в руки и уравновешенно поведал главе Ордена о событиях последних дней.

– После изъятия и передачи книги в руки Инквизиции держать под стражей лицо, принимающее лишь косвенное участие в обряде демонолатрии, смысла не было. Все подробности мы знали из проекции Миллисы и рапорта моего ученика. Однако же, когда вскоре с нами связался его высокопреосвященство, дело приняло иной оборот. Вы должны понимать, что этот человек...

– Вор? Как его имя? Лео, кажется?

– Всё верно, магистр, Лео. Так вот, попав в руки Инквизиции, он был уже вне нашей юрисдикции.

– Даже несмотря на то, что оный каким-то чудесным образом завладел крайне эксцентричным астральным артефактом, который, как мне кажется, как раз-таки подпадает именно под нашу юрисдикцию?

– Со всем уважением, магистр, но вы же знакомы с ле Гольтом?

– Знаком. Именно поэтому и слушаю тебя, а не накладываю епитимью за то, что ты позволил участнику тех событий уйти на все четыре стороны. Продолжай.

– После всех наших попыток докопаться до естества сего артефакта было принято решение согласиться на предложение его высокопреосвященства о сопровождении Камня к доверенному лицу, сведущему в данном вопросе...

– Больше нашего? – хмыкнул Дард. – Забавно! Однако я не оспариваю гениальность кардинала. Пускай мастер Сард и работает последние годы на Церковь, а не на нас, однако он действительно может пролить свет на эту, явно заслуживающую внимания, находку. Хотя меня лично волнует нечто другое. Скажи-ка мне, пожалуйста, Байро: почему именно твой ученик?

– Простите, но я не очень понимаю, о чём...

– Понимаешь, всё ты понимаешь, Байро. Не надо строить из себя того, кем ты не являешься. Насколько я знаю, Модера был серьёзно травмирован в битве с Лордином и сейчас ходит самостоятельно исключительно благодаря вмешательству его преосвященства Аласида. Из всего количества намного более опытных претендентов на сопровождение артефакта, что сейчас пребывают в Башне, включая даже собственную персону, ты, Байро, выдвигаешь своего пострадавшего ученика и рьяно убеждаешь Совет в том, что это – наилучшая кандидатура. Я хочу знать: почему именно он?

Магистр резко остановился. Повернулся к архимагу и заглянул ему в глаза своим морозным, кусающим взглядом. Они стояли в тени высокого клёна. Ещё пока зелёные листья шелетели на ветру. Лучи солнца едва пробивались сквозь широкую крону. Байро почувствовал, как холодная капля пота стекает с затылка за шиворот и щекочет спину. Но он не был бы учеником великого Лазурного чародея, если бы в этот момент на его лице дрогнул хоть один мускул.

– Потому, что Камень несёт в себе частицу Изначального Хаоса. Артефакт не изучен и неподконтролен. Квалификации моего ученика вполне достаточно для того, чтобы отслеживать какие-либо внешние и внутренние изменения в структурной составляющей Камня. Впрочем...

Байро взял небольшую паузу, прочистил горло и продолжил жестким тоном, не отрывая взгляда от холодных глаз магистра:

– Впрочем, если процесс разрыва связи носителя с артефактом всё же произойдёт, вследствие чего, вполне вероятно, последует Энергетический Коллапс, то для меня лично предпочтительнее... Предпочтительнее пожертвовать своим травмированным учеником, нежели одним из стоящих выше по уровню значимости собратьев. Мне горько это признавать, но в данном вопросе мы бессильны. Всё решат Боги. Посему я пришёл к выводу, что если случится непоправимое, то лучше это будет Модера, чем кто-либо более важный для нас. Будущее Ордена и будущее мира – неразрывны. Сохранение баланса – превыше всего. Без нас, чародеев, люди останутся без поводья и будут брошены на произвол судьбы. Так меня учил Антрос. Я ответил на ваш вопрос... магистр?

Магистр Бурь Арчибальд Манаро ин Дард долго молчал, изучая Байро. Тот, с превеликим трудом, но всё же держал взгляд главы Ордена. Наконец Дард кивнул.

– Ответил. Темнишь ты что-то, Байро, ох, темнишь... На какое-то мгновение я даже было подумал, что ты натолкнулся на один из мифических артефактов времён Силовых Войн и с помощью своего ушлого ученика решил тайком от Ордена прибрать Камень к своим рукам. И всё бы так, если бы не одно «но». Ты – ученик Антроса. Я знал его – очень даже хорошо, я знаю тебя – намного лучше, чем тебе кажется. Вы оба владеете безграничным количеством талантов, и ваш единственный бич заключается в том, что вы совершенно нечестолобивы. Что в свою очередь означает вашу абсолютную лояльность делам Ордена. Именно этот факт и уберёт тебя от разговоров с другими людьми, в другом помещении, с браслетами из круадия¹¹на запястьях.

Лицо Байро нисколько не изменилось. По крайней мере он очень на это надеялся. Лицо Дарда, наоборот, оттаяло и даже озарилось лёгкой улыбкой.

– Ладно, Байро. Забудем об этом неприятном для нас обоих разговоре. Меня действительно удовлетворил твой ответ. Ибо я знал твоего учителя. Он действительно верил в то, что ты мне сейчас сказал.

¹¹ Круадий – особый металл, который блокирует почти любую магию.

Единое Семирийское Королевство

Глава 1. Старик, пьяница и предрассветный демон

*«Всё уже когда-то было сказано.
Всему ещё предстоит повториться.»*

Пророк Вельдас

Время перевалило за полночь. В трактире «Вендетта» к этому часу, как всегда, было шумно, накурено и наводнено разношёрстным народом – так называемыми «творцами» не самых благородных дел. Люди и – за очень редким исключением – нелюди кипели и бурлили в объятиях привыкшего ко всему на свете старого да усталого, как и его хозяин, заведения.

Джо Улыбка подлил себе очередную порцию красного, как кровь, «Тальядорро», прищурился, выдохнул и осушил стакан залпом. Вина, впрочем, как и женщины, уже давно не горячили его кровь, но и те, и другие на какое-то короткое время всё же помогали забыться. За что Джо был им безмерно благодарен.

«М-да... Последние годы я пью исключительно „Тальядорро“. Ну прямо подсел на него. Если так посчитать, то стакан „Луссэ Тальядорро“ я продаю за четыре сола¹². Бутылку – за четырнадцать. Отняв две монеты, мы получаем один лирд¹³. За ночь я выпиваю на два, а порой, и на все четыре лирда. За неделю, в среднем, выходит сумма в двадцать один лирд, что, в свою очередь, равняется чуть больше, чем двести сорока мелких солов, кои дают нам один фунт серебра, который равняется золотому фульду. Значит, за месяц я выпиваю на... М-да уж...»

Подливая себе очередную порцию, Джо поднял глаза и встретился взглядом с одной из разнощиц. Худенькая, невысокая, стройная; прямые светлые волосы до плеч, аккуратный носик, усыпанное веснушками лицо и большие, голубоватые глаза. Симпатичная девочка, приятная. Такие, как она, на всю жизнь и практически до самой старости сохраняют некое детское очарование – в лице, в жестах, в словах.

«Проклятье... Ведь я за одну ночь выпиваю столько, сколько она не зарабатывает за неделю... И при этом почти что не хмелею... Почти что без удовольствия... Как воду... Эх...»

Разносчица задержала взгляд на Джо. Он, быть может, и хотел бы отвернуться, но, как всегда, не смог. Вместо этого одарил её доброй отеческой улыбкой. Девушка завораживающе-медленно провела рукой по волосам, тем особым движением, присущим исключительно юным девушкам, и скромно улыбнулась в ответ. В этот момент один из посетителей – тучный небритый боров – подошёл к ней сзади и, ухватив её за талию, притянул к себе. Плотно ослабившись, зашептал что-то на ухо. Разносчица, продолжая вежливо улыбаться, попыталась отойти, но боров подключил и вторую руку, ухватившись пятернёй за маленькую, скрытую под платьем грудь. Продолжая делать недвусмысленные намёки, он хлопнул по висящему на поясе кошельку, да так, что звон монет слышен был даже за стойкой. Джо сильно сжал стакан. Ещё сильнее – зубы.

«Спокойно, Джоссиль, спокойно... Все они здесь время от времени подрабатывают „на стороне“. Какое мне дело, если Викки отойдёт ненадолго, пока остальные девочки успевают наливать всем этим ублюдкам? Никакого. Ей нужны деньги. Захочет – возьмёт. Тебе нет до этого никакого дела, Джоссиль... Она – не твоя собственность...»

Тяжело обманывать самого себя. Ещё тяжелее – смотреть на происходящее и делать вид, что всё нормально. Мол, просто так бывает. Викки перестала улыбаться. Резко обернулась и,

¹² Сол – мелкая серебряная монета.

¹³ Лирд – крупная серебряная монета.

не обращая внимания на сжимающую её грудь пятерню, рывкнула. Боров в ответ хохотнул и, ещё крепче прижав девушку к себе, уткнулся носом ей в затылок, при этом активно работая тазом. Глиняный стакан в руках Джо жалостливо затрещал.

«Чёрт. Это ведь Молс Хагнер. Из ребят Тибальда. Мне нельзя с ним бодаться. Только не сейчас... Ничего ведь страшного не происходит, верно? Ей не привыкать...»

Викки уронила поднос и попыталась вырваться, но безуспешно. Затем начала лягаться, но борова, казалось бы, это распалило ещё сильнее. Девушка закричала. Если в зале кто и наблюдал за происходящим, то помогать ей явно не собирался. Оставалась последняя надежда на Джо. Но он, опустив глаза, был занят исключительно стаканом в своей руке.

– М-м-м... Курочка моя, ох, боги, как же сладко ты пахнешь! – прохрипел боров, продвигаясь вместе с добычей, к лестнице. – Слаще мёда, пьянее вина...

– Да пошёл ты, ублюдок! – рыкнула Викки. – Пусти меня, я сказала! Сейчас же! Я тебе не шлюха!

– Шлюха-не шлюха, мне-то что? Тебе ведь нужны деньги, м? Да не брыкайся ты так! Знаю, что нужны! По глазам вижу. Ну-ну, тише ты, тише! Мне, конечно, нравятся бойкие курочки, но я и силой могу заставить. Старина Молс честный парень, курочек в обиде не оставляет. Прекрати дёргаться, дура! Я всегда беру своё! Золотой получишь, слышишь, кура? Так и так, получишь! По-хорошему – тихо и быстро. По-плохому – больно и медленно. Ну? Как тебе больше хочется? Выбирай, мне-то плевать! И хватит зыркать по сторонам. Нет здесь твоих друзей.

Викки взвесила все за и против. Пришла к выводу, что боров прав. Деньги он предлагал очень хорошие, а они, как всем известно, лишними не бывают. И чего она потеряет? Давно утраченную невинность? Пф! Выдуманную зажавшимися господами гордость? Ха! Быть может, она потеряет саму себя? Вряд ли. Так что, подумаешь! Если бы, и правда, это было в первый раз. А так ведь – ничего нового...

– Ладно, пошли.

– Ну-ну, так-то лучше. Хорошая курочка, славная курочка...

Неожиданно дорогу им перекрыл хозяин заведения. Лицо выглядело спокойным, разве что единственный настоящий глаз был краснее обычного.

– Здорова, Джо! – хрюкнул боров.

– Привет, Молс.

– Я тут твою цыпу ненадолго похищу, лады? Не бойсь, девку не обижу, в накладе не оставлю. Ты меня знаешь. Да, кура? Мы ведь с тобой договорились, верно?

Викки подняла усталые глаза на Джо, спокойно выдержала его взгляд и отстранённо кивнула.

– Нет, – мотнул головой хозяин. – Никуда она не пойдёт. Клиентуры много, остальные и так не успевают.

– Да ладно тебе, мужик, мне много не надо. Не успеешь пропеть «Felundo Graci», как она уже вернётся, клянусь своим именем!

– Я сказал, нет.

– А я сказал, что хочу её и возьму её, – боров, возвышаясь на целую голову, навис над Джо, как мамонт над медведем. – Со всем уважением, Одноглазый, но лучше не вставай у меня на пути...

Викки испуганно закрутила головой, схватила Джо за руку.

– Не надо, хозяин, я быстренько! Девочки успевают, все довольны, никто не...

Джо, с резкостью кобры, ударил её наотмашь по лицу. Девушка, закусив разбитую губу, опустила голову и позволила светлым волосам укрыть заблестевшие глаза.

– Молчи, девка, пока тебе слова не давали. Иначе вылетишь на улицу быстрее, чем я пропою «Felundo Graci». – Джо сам не узнал свой голос.

Боров аж рот раскрыл от удивления, нахмурился.

– Ты чего, Одноглазый? Почто мордаху хорошую портишь, а?!

– Отпустил её, Молс. Быстро. И больше чтобы не трогал.

Боров набычился. Затем грубо отпихнул девушку и, схватив Джо за шею, припёр его к стене.

– Совсем страх потерял, Одноглазый? – рыкнул он, обдав Джо кислотой вина и капусты. – Забыл, с кем разговариваешь? Я тебе не один из этих! Со мной так не прокатит. Я ж тя, как кутёнка, одной рукой поломаю!

– Это ты забыл, Молс, что можно брать, а что – нет.

Боров, ощутив неладное, опустил глаза. Тонкий стилет в руке хозяина упирался остриём в его промежность.

– Яйца – не усы, Молс. Новые не отрастут.

Надо отдать Молсу должное. Он не испугался. Лишь сильнее вдавил Джо в стену. На шум наконец примчались громилы-охранники с бастардами в руках. Крепкие мужики, привыкшие ко всякому, всё равно нерешительно застыли за спиной огромного, даже по сравнению с ними, борова. Викки, так и не поднявшись с пола, затаив дыхание, смотрела на пару у стены. Так же за происходящим наблюдал погрузившийся в тишину зал.

– Я ж тя зарюю, гнида, – угрюмо и тихо произнёс Молс. – Не сейчас. Потом как-нибудь. Я к тебе всегда относился с уважением, Одноглазый, но сегодня ты перегнул палку. Нажил ты себе врага, Джо. Из-за какой-то девки...

– Не из-за какой-то. Дело принципа.

– Какого ещё, к херам, принципа?!

– Такого. Её трахаю я и только я! – громко, так, чтобы услышали все, кто наблюдал за сценой, рявкнул Джо. – А своими вещами я не привык делиться. Ни с кем.

Молс удивлённо оглянулся. Викки залилась краской и опустила глаза.

– Так вот оно, что? – промямлил Молс. – Серьёзно? Ну, мужик, извиняй. Я ж не знал. Твоя – так твоя, дело святое. Ладно, без обид. Замяли, в общем.

Отпустив Джо, боров хлопнул его по плечу и, не глядя на охрану, прошёл мимо, даже не посмотрев на всё ещё лежащую на полу девушку. Когда дверь за ним захлопнулась, зал потихоньку стал наполняться жизнью. Охрана, получив кивок от хозяина, вернулась на пост у входа. Джо, облегчённо выдохнув, наконец соизволил взглянуть на Викки. Та, уже поднявшись на ноги и пряча от него глаза, взяла с пола поднос и нетвёрдой походкой двинулась в зал, принимая новые заказы.

Сердце у Джо болело. В прямом смысле. Как бы он сейчас хотел прижать её к себе, согреть в медвежьих объятиях, утереть слёзы и уложить в постель, баюкая до той поры, пока девушка не уснёт. А затем просто лежать и слушать тихое дыхание, боясь шевельнуться и тем самым разрушить сказочный момент. Хуже ему стало, когда Викки проходила мимо, и Джо увидел кровоподтёк на её скуле. Оставленный его рукой.

«Кретин... Баран безмозглый... Чучело одноглазое... Ведь можно было слабее!»

Джо вздохнул. Интересно, а понимала ли Викки, зачем он это сделал? Под утро, когда они окажутся в постели, Джо хотел бы целовать её в больное место до следующей зари, зализывая телесную, но главное – душевную рану, однако...

«Я не могу. Нельзя привязываться. Я и так позволил себе слишком многое. Слишком приблизил её к себе. Она — не дурочка, она всё поймёт. Поймёт, зачем я сделал это. Надеюсь... А если не поймёт, то плевать. Меня вообще не должно это беспокоить. Чёрт побери, да что же это со мной? Ведь я гожусь ей в отцы! Наверняка она и видит во мне отца... Того самого, которого у неё никогда не было. Просто тёплого и крепкого человека рядом. Всем людям нужно тепло, даже самым пропащим. Как телесное, так и душевное. А может быть,

ей просто удобно со мной? Лучшие уж обслуживать меня одного, чем всех остальных, кто захочет её тела? И никакого тепла ей не надо? И я ей не нужен...»

Почему-то от этих мыслей сердце заболело ещё сильнее. Джо провёл пальцами по груди, ощутив сквозь рубашку кромку застарелой отметины на коже.

«К чёрту. Я не могу позволить себе большее. Как бы я того не хотел. У меня есть долг. И эта метка будет напоминать о нём, вплоть до того часа, когда моё сердце наконец остановится...»

Джо кинул взгляд на Викки. Девушка забирала со стола гуляющей компании посуду, натянув вежливую улыбку. На него не смотрела.

«Напьюсь... Сегодня – точно напьюсь.»

– И к чему был этот спектакль, Джо?

Хозяин таверны не повернулся, уже и так зная, кому принадлежит этот высокий, скрипучий голос. Ещё какое-то время понаблюдал за бродящей по залу девушкой, затем молча двинулся к бару. Из тени под лестницей выступила закутанная в выцветший плащ фигура и, опираясь на трость, тяжело засеменила следом.

– Ну-с? – хмыкнул Дженкинс, усаживаясь за стойкой. – Чем сегодня потчевать будешь?

Джо, приподняв одну бровь, молча поставил тёмно-зелёную бутылку сладкого «Тальядорро» для старика и тёмно-синюю, пряного «Адальгасса» для себя.

– Ничоси! – хохотнул Дженкинс. – Эльфячье поило? Кто-то, кажись, решил сегодня надраться?

«В точку.»

– Долго же ты пропадал, – тихо произнёс Джо, не глядя на собеседника. – Я уж было подумал, что с тобой случилась какая-то неприятность.

– Кхм, кхм, – пошамкал в ответ Дженкинс. – Случилась. Но, як ты можеш зреть, всё уже улеглось.

– Я просто счастлив.

– Ну-ну. Чегой-то ты такой смурной, Джосс...

– Я тебе, чурбан ты старый, когда-нибудь точно вышибу два последних зуба. Клянусь.

– Ой, я супрям-таки испужался! Ладно, не ной. Как насечет... Циклопа?

Джо молча забрал бутылку «Тальядорро», затем выдернул из старых пальцев недопитый стакан.

– Пошутить прям низя! Быть может... Одноглазый?

Джо вернул оба предмета на места.

– Пойдёт.

– Хорошечно! А теперича скажи-ка мне: а чаго ты ту мазельку у того увальня отнял? Жадно, шоль, стало?

Джо заскрипел зубами, плеснул себе «Адальгасса» и выпил одним махом. Бренди обожгло горло, оставив во рту привкус миндаля и чего-то сладковато-фруктового. Он мгновение посмаковал, а затем, недолго думая, повторил действие.

– Тише, тише ты, парняга! – проскрипел Дженкинс, осторожно прихлёбывая вина и жмурясь от удовольствия. – М-м-м... Красота! А ты – помедли, балбесина. Я тебя до койки не поташу.

– А мне и не надо.

– Ну, как знаешь. Гляди сюды, чаго я утречком на торжище прикупил.

Дженкинс выудил из-под плаща плотный свёрток и выложил его на стол. Джо, размотав бечеву, обнаружил небольшой чёрный арбалет – буквально в пол-локтя длиной. Хозяин трактира взял оружие, присмотрелся, повертел в руках. Маленький, удобный, прочный. Выглядело недурственно.

– Хороша игрушечка, а? – осклабился Дженкинс. – Карликова работа!

– Хороша, не спорю. Как взводится?

– Проще простого! Никаких козых ножек или воротов, всё гораздо легче. Вишь, там ручечка по верху торчит? Тянешь-потянешь, и механизм готов! Засим укладываешь болт в лонце, целишься и жмёшь вон на тот махонькой рычажок. Лафа, да и токма! Даже дитятка управится.

– Слабо бьет, поди.

– Нормально! Ты ж не на войнушку какую идёшь, а так, для самзащиты. Мастер балакал, мол, здесь тетива не обычная, конопляная, а из сухожилий какой-то там особой рогатой зверюги, шо в горах у энтих карлов водится. Потому он, мол, хоть и махонькой, но бьет – о-го-го, как!

– Пряма-таки «о-го-го»? А болты?

– Меньше обнаковенных, под заказ. Вот. – Дженкинс выложил на стол две связки. – Одни в сечке ромбовидныя, вторые – треугольныя. Ежели понадобится, то у продавца исчо и разрывныя имеются, со смещённым центром – те так вообще при попадании в брюхо от кишок ничего, окромя кашицы, не оставляют, хе-хе.

Джо вытащил один из болтов, уложил его в лонце, взвёл механизм. Посмотрел на Дженкинса. Тот, словно старый слеповатый крот, щерился беззубой, но страшно довольной улыбкой.

– Ну, шо скажешь, Одноглазый?

– Скажу «спасибо». Добротная штучка.

– Ещё бы! Последний пыск оружейной моды! Скоро у всех такая будут...

– Да уж, старый плут. Чем дальше идут года, тем изощрённее мы учимся друг друга убивать.

– По-о-оду-у-умаешь! – махнул рукой Дженкинс. – Когда-то, дык вообще с палками и рогатинами друг на друга ходили. И чаго? Сей малец – пример логишной закономерности развития человечества как виду. Однако же это ещё ничего! Слыхал я тут намедни о новой шпуньке, шо появилась у солдат Императорской Гвардии в Лотуциани¹⁴. Могёшь себе представить арбалетину, токма которую перезаряжать не надобно, а выпускает она при этом до десяти болтов за десяток ударов сердца? Не могёшь? А такая уже есть! Имя токма у этой шпуньки дурацкое какое-то – то ли «Чо-ну-чо», то ли «Чо-ну-как»... Ох уж эти ускоглазья! Чаго ток не придумают...

– Да уж.

– И я о том же. Это зовётся прогрессом, Одноглазый! И его уже не остановить.

– Я к тому и веду, старый плут. Прогресс – палка о двух концах. Он научил нас тому, как можно быстро возводить величественные города. Ещё быстрее он научил нас эти города разрушать. Такими темпами развития человеческий род сам себя и уничтожит, изобретя какую-нибудь неведомую штуку, эдакое порождение чистого хаоса, которое в один миг будет способно убивать даже не сотни, а тысячи людей.

– Пф! Ну-ну! И мне это говорит тот, кто отнял жизнью не меньше, чем чума-порука?

– Преувеличение – показатель недалёкого разума, Дженкинс. Мы оба прекрасно знаем, что столько жизнью я не отнимал.

– Однако ж, Одноглазый ты мой циклопушка, сколько-то отнял? Значится, нарушал закон. Нарушал закон – значит, пёр супротив общественного порядка. Неужоль ты – одна из энтих палочек прогресса, созданных руками хаоса?

– Теми убийствами, – тихо прорычал Джо, – я помогал обществу избавиться от ненужных ему субъектов.

¹⁴ Лотуцианская Империя находится на восточном побережье, занимает огромные территории. Исторически стремится к экспансии, но постоянно терпит крах из-за внутренней феодальной грызни.

– Заливай больше! Преступил закон государства – преступил закон общества. В чём тут служба?

– Служить обществу – не значит служить государству. Служить обществу – значит служить народу. – Джо опустил глаза к арбалету, кисло улыбнулся. – Ладно, оставим подобные разговоры мудрецам. Хотелось бы вот, что узнать: в честь чего я получил этот подарок?

– А ежели скажу, шо, просто так? Это шо ж получается, один старый друг без повода не могёт сделать подарочек другому старому другу?

Джо плеснул себе «Адальгасса», сделал небольшой глоток, выдохнул и вернулся к Дженкинсу.

– Ай, не сверли ты меня так своею глазюкой! – скривился старик и пригубил вина. – Ладно, ладно. У нас тут, вроде бы, дело сурьёзное имеется. Дык ещё и наш медноголовый пасынок натворил кой-чаго, супрямо у подступов к твоей забегаловке. Смекаешь?

– Он не убивал то... насекомое, – тихо ответил Джо. – Это был кто-то другой.

– Пф, а то я не знал! Но, драку-то они устроили у тебя под носом, верно? А ты ещё опосля покойничка с его шушерой на глазах у всех и вышвырнул отседа. Вот, кумекай теперь, кого трясти первого станут.

– Пока что не трясли. Я даже не хочу думать о дурном, но это может означать только одно...

– И что же? – усмехнулся Дженкинс.

«Что мы проиграли? Нет. Не может быть. Дженкинс сразу бы всё мне сказал, у него уши даже в королевском отходнике имеются. Да и Безликий нас так просто бы не оставил. Он бы явился тенью среди тёмной ночи, пришёл бы тихой и беззвучной поступью, незаметно, из ниоткуда, обставив в искусстве скрытности любого из рыцарей тени. Так уже бывало... Он бы пришёл, дабы вознаградить нас за верность... Хотя, скорее всего, чтобы убить – за ненадобностью. Я почти уверен, что этот загадочный субъект именно так с нами и поступил в итоге, при любом исходе нашего дела...»

– О нём, – аккуратно поинтересовался Джо, – что-нибудь слышно?

Дженкинс молчал долго. Слишком долго, изрядно помотав другу нервы.

– Слышно. И видно, – наконец буркнул он, присасываясь к стакану. Джо ждал продолжения, но мастер-вор игнорировал его гневный взгляд.

– Ну? Что слышно? Говори уже!

– И чагой-то тебе сказать надобно?

– Не зли меня, старый. Я и так не в духе.

– Не в духе он, слышь, шо городит! – Дженкинс залился каркающим смехом. – И чаго это мы не в духе? Уд во время утехы с той маленькой мазелью подвёл? Зубы раскрошились, посадив тебя на кашку и супчики? Иль, быть может, шишка, размером с кулак, из зада вывалилась?

Джо не ответил, однако обжёл старика пылающим взглядом.

– Не зыркай ты так! Чёрт с тобой, скажу. Не бойсь, Одноглазый, наш Львёнок – тот ещё везучий шельмец. Всю жизнь мочится против ветра, но остаётся сухим, к тому же способный, зараза, – коль будет нужно, даже лёд подождёт! Вчерашним утречком он в компании исчо троих молодцев живой, здоровый и довольный, как новорожденный ослик, покинул столицу через Восточные Ворота. Всё происходит так, как должно было произойти, Одноглазый. Нам остаётся лишь ждать.

Джо облегчённо выдохнул. Больше всего на свете он боялся, что когда к нему явится Дженкинс, то старый плут принесёт дурные вести. Последний раз они виделись в тот день, когда Львёнок был в «Вендетте», после чего вся тёмная часть Миротауна встала на уши, прознав о смерти Мухи. После чего и Лео, и Дженкинс пропали на долгие дни. Всё это время Джо провёл, словно во сне, ожидая встречи со старым вором и одновременно опасаясь её. Удивительно, но к нему до сих пор не явился ни один из посыльных главы Синдиката, хотя Джо был

уверен в том, что Дориан теперь просто так его не оставит. Он озвучил свои мысли. Дженкинс, пошамкав беззубым ртом, вздохнул и ответил:

– Прав ты. Очень даже прав. Этот треклятый ублюдок ещё напомнит о себе. Попомни мои слова, Джо. Я действительно не делаю простых подарков, от переизбытка денег в кошельке или доброты душевной.

Джо в очередной раз удивился тому, как легко этот старый плут способен скидывать маску косноязычного и маразматичного дуралея, на краткие моменты становясь абсолютно нормальным и образованным человеком. И как легко он умеет её обратно надевать.

– Ты боишься его, Джо?

– Дориана? Нет. Я считаю, что он не рискнёт вламываться в мой кабак. По крайней мере, с погромом. Да и, как говаривал нашему пасынку его дражайший учитель, «как бы страшно тебе ни было, парень, помни одно: если твой враг из плоти и крови, значит, его всегда можно продырявить!»

– Опять цитируешь Фэсса? – хохотнул Дженкинс. – Нет, Одноглазый. Я говорил о нашем... Патроне.

– Ах, о нём. Нет, не боюсь. Скорее, мне просто чисто по-человечески любопытно, кто именно скрывается за всеми его масками.

– Сдаётся мне, что подобное любопытство, – тихо отозвался Дженкинс, – напрямую граничит со смертью.

– Согласен, старый плут. Абсолютно согласен.

Они одновременно подняли стаканы, чокнулись, выпили. По залу витал еженощный гомон, заглушая собою весь разговор. Подливая себе очередную порцию бренди, Джо приметил вошедшую в зал фигуру в тёмном плаще. Гость сразу же направился к бару. Джо незаметно подал знак Дженкинсу, и старый плут тут же закашлялся, зашмыгал носом и даже, на всякий случай, протяжно пустил ветра.

– Дык я энтому остолопу и говорю, мол, ты шо, балбесина кривомордая... Не вишь, куды прёшь? – старик мигом обратился в драбадан пьяным маразматиком. – А он как за нож схватился... Как на меня двинулси! Ух, чаго там опосля началось... Кровишша посюду была... Но мы энтих пентюхов того... ага... порешали...

Дальнейшее повествование переросло в бессвязный монолог, затем напившийся старик уронил голову на стойку и тихо засопел. Незнакомец присел через стул от спящего, обвёл взглядом бар, затем повернулся к Джо. Хозяин ответил ему равнодушным кивком. Подсевший был уже не молод, но и не стар – такому сорту людей легко может быть как двадцать пять, так и все сорок. Его гладко выбритое, загорелое лицо выглядело приятным; короткие и каштановые, слегка выющиеся волосы стояли торчком; открытая улыбка, полная ровных и белых зубов, располагала к себе, и даже разноцветные глаза: левый – ореховый, а правый – светло-синий, – казались чем-то удивительно необычным, но никак не отталкивающим. Незнакомец был очень, ну очень хорош собой.

– Чего изволим?

– Чего-нибудь, – пожал плечами гость, усладив ухо бархатным баритоном. – Как насчёт того, чем сморился этот милый старичок?

Дженкинс, размазывая слюни по стойке, тихо хрюкнул. Джо, не поведя и бровью, взял недопитую бутылку «Гальядорро» и, наполнив стакан, подвинул его гостю.

– Лакомство! – заключил тот, пригубив напиток. – Приятно найти хорошее вино, особенно там, где ты найти его не ожидал. Моё почтение, уважаемый.

Джо вежливо поклонился и по привычке принялся натирать чистый стакан. Его настроения сегодня не хватало на светские беседы. Меж тем гость, продолжая смаковать вино, изучал хозяина заведения с неким шутивным любопытством в разноцветных глазах. Джо отвечал рав-

нодушным взглядом. Когда стакан гостя опустел, он молча протянул пустую тару. Джо так же молча подлил.

– Я много слышал о вас и вашем заведении, уважаемый, – произнёс незнакомец. – И вот, наконец-то, посетил сие чудесное местечко! Могу сказать, что здесь собираются весьма колоритные личности.

– Всякие бывают, – отстранённо ответил хозяин.

– Безусловно, безусловно. Я, честно говоря, зашёл не просто, дабы пропустить стаканчик-другой «Луссэ», а по делу.

Джо выгнул бровь.

– Но попервой позвольте представиться. Данное мне от рождения имя вряд ли вам о чём-нибудь скажет, уважаемый, посему я назову то, которое выбрал себе сам. Меня зовут Гару.

Имя оглушило Джо, что гром среди ясного дня. Внешне он никак не отреагировал, всё так же продолжая натирать стакан, однако почувствовал, что его руки едва заметно начали дрожать. Собеседник не спешил и, выдерживая паузу, потягивал вино.

– Можете не притворяться. Если уж я слышал о вас, то уж вы и подавно слышали обо мне. Следует отдать вам должное – хорошо держитесь. Я и сам не сыграл бы лучше. Однако вас, уважаемый, выдал предательский организм.

Джо молчал. Смотрел в разноцветные глаза и слушал.

– Понимаете ли, у человека, когда он испытывает резкий стресс, скажем, при получении дурной вести – такой, как, например, моё имя – в организме происходят неподконтрольные ему процессы: сужаются зрачки, на лбу выступает испарина, кровь отливает от лица и начинают дрожать руки. Всё прямо как у вас, верно?

Джо вновь не ответил. Аккуратно поставил стакан на стойку, не отрывая от собеседника глаз.

– В общем, перейдём к сути моего визита, – произнёс Гару, сверкая открытой и дружелюбной улыбкой. – Я ищу одного человека. Его имя – Лео. Прозвище – Львёнок из Каменных Джунглей. Прежде чем вы начнёте отнекиваться, врать и использовать прочие усложняющие нашу беседу уловки, отмечу, что вы его знаете. Довольно давно. Последний раз он был здесь пару недель назад, играл в карты с Фальвигом Мансом, также известным как Муха, после чего меж ними вышел спор, переросший в потасовку. А затем вы вышвырнули смутьяна вместе с компанией из заведения и увели искомого мною субъекта наверх. После чего вы, уважаемый, вывели интересующую меня личность на улицу через чёрный ход, где вскоре упоминаемый Фальвиг был найден мёртвым, а второй участник их ссоры пропал. Думаю, сейчас в этом зале найдётся не один человек, который охотно подтвердит мои слова. Будете отрицать?

– Нет, – ответил Джо чуть охрипшим голосом. – Не буду.

– Очень хорошо! – развёл руками собеседник. – Ваша честность делает вам честь. В общем-то, всё, что мне от вас нужно – это информация. А именно: где сейчас, предположительно, находится интересующий меня персонаж?

Джо молчал. Его мозг лихорадочно работал уже с того момента, когда незванный гость только представился. Однако дельных мыслей в голову до сих пор не приходило. Ни одной.

– Дабы улучшить наше взаимопонимание, – произнёс гость, – я сделаю вот так.

Он сунул руку под плащ и положил на стол мешочек. Не спеша размотал перевязь и вытащил две монеты. Две большие золотые монеты. Два полновесных фульда, именуемых в народе «королевками» за бессменный благородный профиль первого короля Семирии Тэолькона Буревестника на аверсе.

– Здесь лежит тридцать фульдов или шестьсот тридцать лирдов, если вам больше угодно в серебре. Вы как человек владеющий хозяйством должны понимать, насколько это хорошие деньги и что можно на них приобрести. – Разноглазый гость улыбнулся. – Их вы получите, просто назвав мне место. Если вы меня обманете, то, увы, я лишусь неплохого капитала, ну

а вы возьмёте на душу небольшой грешок. Но если же вы скажете мне правду, то получите в три раза больше. Думаю, для вас не возникнет сложности посчитать возможный прибавок к скромной получке простого трактирщика. Не спешите, подумайте. Ну, а если же вас гложет сомнение в честности моих слов, то вы, зная моё имя, должны понимать, чего стоит моё слово. Согласны, уважаемый господин... Улыбка?

Джо не ответил. Сверлил гостя глазами и лихорадочно соображал, какие действия он может предпринять.

«Я соглашаюсь. Сообщаю ему любое выдуманное место. Он слушает. Просит ещё вина. Я протягиваю бутылку, он пьёт. Я беру арбалет. Стреляю. Если промажу – у Дженкинса всегда есть пара припрятанных клинков. Я хватаю его, тяну на себя через стойку, второй рукой бью стилетом в шею, в яремную вену. Судя по его комплекции, силы у меня большие, не вырвется. Дженкинс ударит с правого боку, в печень и подмышку. И даже если мы со старым плутом погибнем, то всё равно успеем нанести ему несколько смертельных ран. Он потеряет много крови, и ребята у входа смогут его добить. Хорош ли сей план? Нет. Но у меня нет времени придумывать другой...»

Джо заглянул в разноцветные глаза беззаботно улыбающегося гостя и понял, что, скорее всего, план заранее обречён на провал. Перед ним сидел не обычный охотник за головами. Перед ним сидел тот человек, чьего имени боялись не только простые люди, но даже короли. Не лучший из лучших. Страшнейший из страшнейших. Демон, что убивает на рассвете, сам себя называющий коротко и просто – «Гагоу». Джо, рождённый от женщины-лесконки, как никто другой, понимал всю иронию выбранного человеком прозвища: с лесконского это слово переводилось не иначе, как «Смерть».

«Так вот, каков ты из себя... Предрассветный Демон, Невидимка, Убийца Королей, кто сам себя окрестил Смертью...»

– Итак, уважаемый, – нарушил тишину гость. – Мне нужен ответ. Где я могу найти нужного мне человека?

Джо молчал. Гость продолжал улыбаться. Вот только разноцветные глаза сверкали странным блеском. Джо за свою жизнь встречал не одного человека, для кого убийство являлось обыденным делом – у таких, чаще всего, глаза ничего не выражали, ибо они были пустыми и холодными, как у рыб. У этого же человека глаза буквально горели пламенем жизни, силы, энергии и непреломляемой воли. Однако пламя это было скорее деструктивным, нежели созидательным. Не согревающий костер, но адское пекло – вот, что видел Джо в глазах Гару.

– Что будет, если я откажусь отвечать? – наконец спросил хозяин заведения.

– А чего вы ожидаете? – всё с той же улыбкой поинтересовался гость.

Джо, не отрывая глаз от Гару, медленно облокотился руками о нижнюю стойку, на которой лежал арбалет. Гость не мог видеть оружия, ибо эта стойка пряталась под основной, а сам он сидел в нескольких футах от бара, вальяжно раскинувшись на стуле и сжимая тонкими пальцами стакан с вином. Джо понимал, что шанс у него – один из тысячи. Но даже один шанс – лучше, чем ни одного. Он собирался рискнуть. На последствия плевать, главное – обезопасить Львёнка от этого монстра в облике человека.

– Чего я ожидаю? Кхм...

Рука как бы сама собой медленно поползла по стойке. Гость не отрывал разноцветных глаз от глаз Джо. Тот отвечал тем же, надеясь, что за годы безделья не утратил силу владеть своим лицом. Пальцы сомкнулись на арбалете. Тот был взведён и готов к выстрелу.

«С такого расстояния невозможно промахнуться... В любом случае, Дженкинс подсобит... Ему не уйти от нас...»

Гость медленно поднёс бокал ко рту.

«Сейчас... Лучшего момента не будет...»

Гару уже почти сделал глоток, как неожиданно произнёс:

– А-а! Не стоит. Предупреждаю: не успеете. Ни ты, ни твой как бы «спящий» товарищ. И словно ничего не произошло, стал пить вино маленькими глотками, даже не глядя на хозяина заведения. Джо бросило в жар. До этого молчащее сердце гулко застучало. Во рту пересохло.

«Проклятье... Как он узнал? Как понял? Это невозможно... Только человек, взявший имя Смерть, способен на такое...»

Джо отпустил арбалет, плеснул себе бренди, глотнул, выдохнул и пожал плечами. Он неожиданно успокоился и решил говорить честно:

– О вас ходят разные слухи, господин Смерть. В большинство из них я не верю, ибо они являются не чем иным, как плодами человеческой фантазии. Но есть и такие, которые являются правдой. Вы – человек непредсказуемый. Поэтому, положив руку на сердце, я признаю, что не могу ответить на ваш вопрос.

Гару рассмеялся – звонко, живо, жизнерадостно. Трудно было поверить, что этот человек некогда убивал царей и монархов.

– Вы мне нравитесь, господин Джо. Не как коллега по цеху – для этого вы слишком маленькая рыбка – но как личность. Люблю честность в людях. И не важно, со мной они или против меня.

Он неспешно допил вино, мечтательно причмокнул и продолжил:

– Как говорится, за честность полагается честность, верно? Так вот, если вы не дадите мне ответа на мой вопрос либо обманете меня, то не случится, ровным счетом, ничего! Представляете? Бросьте, я – профессионал, а не любитель. Работу исполняю только тогда, когда мне за неё платят. За вас мне ещё не платили, так что – к чему мне ваша жизнь?

Наконец Джо дождался. Улыбка медленно, словно утопающий в озере человек, сползла с лица гостя.

– Однако у меня хорошая память на имена и лица. Тех, кто когда-то помог мне, я запоминаю на всю жизнь и стараюсь поступать честно, отплачивая людям добром за добро. Но тех же, кто отказался идти мне навстречу, я запоминаю ещё лучше. Особенно таких, которые собирались нанести мне вред. И при следующей встрече отплачиваю им тем же. Понимаете мою логику, господин Улыбка?

Джо, несмотря на то, что знал, кто сидит пред ним, позволил себе кривую ухмылку и кивнул.

– У вас всё ещё имеется шанс стать моим другом. Итак, ваш ответ. Где мне искать Львёнка из Каменных Джунглей?

– Понятия не имею, уважаемый господин Смерть. Но даже если бы имел, то, всё равно, ничего вам не сказал бы.

Гару от такого заявления не расстроился.

– Ну, на нет и суда нет. Коль так пошло, то деньги я, пожалуй, заберу, – убрав мешочек, он оставил на стойке пару лирдов. – Из вашего ответа, я делаю вывод, что вы решили молчать не из-за пустого упрямства, но благодаря определённым мотивам. Знаете, когда я наводил справки, мне сказали, что вы – не чета мне, конечно же, но всё же небезызвестная личность в нашем деле – по старости лет совсем оскудели умом и привязались сердцем к какому-то там бездомному воришке. Я не верил в эту чушь. Купить можно что угодно и кого угодно. Поверьте, я покупал. Ну, а люди нашей профессии, тем более профессионалы, привязаны сердцем только к золоту. Однако в ваших глазах... прошу прощения – глазу, я узрел то, чего доселе не видел ни в одних интересующих меня очах. Я бы мог повышать сумму до немыслимого, но деньги вас не интересуют. Я бы мог устроить вам весёленькую ночь: только вы, я и мои ловкие пальцы с инструментами, – но что-то подсказывает мне, что к боли вам не привыкать. Я бы мог найти ваших родных и близких, но, увы, кроме как – ах, какая же ирония судьбы –

именно этого самого человека, которого я и ищу, у вас больше никого нет. Отчего же вы рискуете всем, что ещё осталось в вашей жалкой жизни, ради этого Львёнка?

Джо, не поведя и бровью, демонстративно скрестил руки на груди.

– Всего вам доброго, господин Смерть.

– Даже так? Хм. И вам всего хорошего, господин Улыбка. Быть может, мы никогда больше и не встретимся... А быть может, встретимся, и очень даже скоро. Кто знает?

Его красивое лицо вновь озарила лучезарная улыбка, и он, совсем как мальчишка, на прощание подмигнул трактирщику.

– Быть Анду или не быть? Вот, в чём вопрос, господин Улыбка! Вот, в чём вопрос...

Развернувшись на каблуках, он хлопнул сопящего Дженкинса по плечу и двинулся в сторону выхода, бросив через плечо:

– Очухивайся, дедуля. Уже можно.

Когда дверь за ним закрылась, Дженкинс разлепил глаза, утёр слюни и, наполнив себе стакан, осушил его залпом.

– Не могу поверить, шо это был сам-есть Предрассветный Демон. А может, и не он вовси? Могёт так быть, шо энто был просто очень грамотный брехун?

– Вряд ли, старый. Было в нём что-то... Сложно объяснить. Как ты понимаешь, среди тех, кто знает его в лицо, живых не много. Но почему-то мне кажется, что это был именно он.

– Ядрица-водица, Одноглазый! Ежели то был энтог сукин сын, шо когда-то ухайдакал Магонского Князя, Рысьего Герцога и Короля Нуулига, то мы с тобою, почитай, уже живые мертвецы. Мы, мать его такую засратую, мордаху егойную видели!

– Он знает, что мы не осмелимся никому сказать, ибо тогда точно подпишем себе смертный приговор. Да и кто нам поверит? Любой проходимец может выдать себя за любого человека. Поди, узнай, что не обманул.

– Ну... Мы-то узнали.

– Узнали. Однако доказательств никаких. Короче, забудь. Если он уже всё решил, то можно и не дёргаться.

– М-да уж... Вполне неплохая кончина – от руки настолько прославленного ублюдка. А, Одноглазый? Не находишь?

– Да мне как-то плевать, от чьей руки помирать, хоть меня убил бы сам Силикус. Тут гораздо важнее то, что ты успел сделать при жизни.

– Скучный ты, ой-ёй! Вот я бы, на твоём месте, послал бы его на хер! Всё равно ничаго бы не изменило. А так, хоть кто-то осмелился бы это сделать.

– Ну, знаешь ли, не всё так просто. Даже одно слово, один жест и один взгляд способны изменить многое.

– Ярунда!

– Жизнь – игра с нулевой суммой. По одну сторону стола – ты, по другую – смерть. Она в любом случае победит, но от твоих мыслей, слов и поступков зависит продолжительность этой игры. В сегодняшней ситуации эти слова можно воспринимать буквально.

– Да брось ты, Одноглазый! Я за свою жизнь столько людей на хер послал, что даже и не упомнишь. Однако, как видишь, жив и здоров... Почти здоров.

– Здесь нечем гордиться, старый плут. Вежливость – первое, что отличает личность от примата. С любым человеком следует быть вежливым, даже с нищим. Кто знает, где и при каких обстоятельствах вас может столкнуть судьба?

– Зануда...

Нервозность ситуации потихоньку стала отступать. Джо уже не мог дожидаться момента, когда трактир опустеет, и он сможет уснуть на пару часиков в тёплых объятиях Викки. Разомлевший Дженкинс продолжал нализоваться шикарным вином по лирду за бутылку. И всё бы

ничего, когда, наконец, обоих посетила одна и та же запоздавшая мысль, отразившаяся на их лицах, но больше – в широко распахнутых глазах: «Что же теперь будет с Львёнком...?»

Глава 2. Слова-словечки-шепотки

*«Одни люди, оглядываясь на ошибки прошлого, видят опыт.
Другие – лишь упущенные возможности.»*

**Кинвальд II Мудрый,
Король Семирии**

Райан де Крауд, поднявшись на последние ступени высокой башни, смахнул со лба испарину и, с трудом восстановив дыхание, прошипел ругательство. Такие подъёмы ещё никому не шли на пользу!

– Неужели, никак нельзя было поселиться где-нибудь пониже? – пробормотал он себе под нос. – Зараза такая...

Капитан МРУ, по привычке, подкрутил напомаженные усы, смахнул несуществующую пылинку с груди, оправил чёрно-серый военный колет и, откашлявшись, постучал в дверь. Вошёл, не дождавшись приглашения.

– Здравствуй, ласточка. Я ждал тебя.

– Знаю, – бросил капитан, окинув взглядом сидящую в тени тень, как обычно, с закинутыми на стол ногами. – Ты вообще отсюда выходишь когда-нибудь?

– Не вижу смысла порхать, аки бабочка, по вашему двору и распугивать милых дам своим нелицеприятным ликом.

– Если у тебя нелицеприятный лик, то про свой я вовсе молчу! – хохотнул Райан, проходя к окну. – Погодка сегодня – красота, да и только! Сдаётся мне, жара продержится до конца ави и далее, предвещая нам бабье лето.

Подставив лицо солнечным лучам, Райан довольно прищурился. Собеседник многозначительно хмыкнул.

– Слушаю тебя, ласточка. Какие новости?

– Разные. Кинвальд одобрил приказ номер восемь. Агенты уже в пути, ждём отчётов о проделанной работе. Каарис на днях претерпел очередную наёмническую бучу на границе Оскальдо и Марьяло. Княжеские ландскнехты после какой-то дуэли двух офицеров взялись за мечи, встретились на поле Сорда и – как давай рубить друг друга в капусту, прямо в лучших традициях Малых войн¹⁵! Когда опомнились, на земле осталось лежать человек двести. На том и разошлись, порешив, что корма воронью на сей день будет достаточно. Что там ещё было? Герцог Анджус поругался с Королём Диких¹⁶, попросил у Вастана Ломанда¹⁷ поддержки, и тот после королевского одобрения приказал пограничным лордам выслать в Рысье Герцогство три сотни лучников, двести конных и пару тысяч пехоты. Погранцы, конечно же, стали бузить, мол, на кой чёрт нам идти драться за сотню лиг от дома, да ещё и с варварами? Самый буйный из них – лорд Тиль де Вадо, хозяин Кавдана, – громче всех кричавший о том, что, мол, эта война – не наша, в итоге отказался выполнять приказ и попал под горячую руку Ломандов. Чёрт-те что творится! Недовольство недовольством, но на кой ляд надо было его казнить, да ещё и прилюдно? Остальные лорды тут же притихли, однако шепотки о том, что Итлисс – земля свободная, что корона уже – вон, где сидит, и вообще, пора бы вспомнить имена таких героев, как Седрик Лорри, что боролись с гнётом короны и сложили головы за правое

¹⁵ Малыми войнами называют длительные конфликты отдельных феодалов, в которых не участвуют целые государства. Один из таковых – длящийся уже больше трёхсот лет конфликт Бриттоли и Андариля, бывших королевств, а ныне провинций Семирии.

¹⁶ Дикие – так на севере называют варварские народы с земель Ватуроса. Живут преимущественно небольшими племенами, поклоняются мелким тёмным божествам, отличаются крайней воинственностью и ненавистью к народам севера.

¹⁷ Вастанд Ломанд – Великий Герцог провинции Итлисс, один из лордов, входящих в совет Большой Семёрки.

дело! Представляешь? Мало нам было святых мучеников на землях Итлисса, пострадавших от тирании Фрэйвиндов, теперь ещё и прибавим к ним Тиля де Вадо, тьфу.

– Меня всегда поражало то, как ты, ласточка, спокойно рассуждаешь о делах своей родины, – мягко рассмеялась тень. – А сам-то что думаешь? Не стоит ли продолжить дело своего прославленного отца? Свобода Итлиссу, и всё такое? Разве ты не считаешь его и Седрика героями?

Райан тут же помрачнел и недобро зыркнул на тень, скривив свои тонкие губы.

– Мой отец и Седрик были идиотами, мечтающими о свободе земли, которая разучилась быть свободной лет эдак за четыреста до их рождения, – произнёс он злобно. – Только слабоумный и недалёковидный дуралей, умеющий решать все конфликты исключительно большой кровью, мог бы подумать, что выход Итлисса из состава Семирии пойдёт Итлиссу на пользу. Как только это произойдёт, мою «родину», которая мнит себя сильным и независимым медведем, но, по факту, является слабым, пускай и большим оленем, тут же загрызут живущие под боком волки в лице Литавии, Лиссона, Буано и Ватариса. Ха! Думаю, что даже Досконь и Андариль не откажутся расширить свои границы и урвать по кусочку некогда великой провинции. Свобода? К псу под хвост твою свободу! Волк без стаи превращается в жертву, а стая сильна, лишь когда она ведома сильным вожаком. Лично я считаю, что без Кинвальда Итлисс не продержится и года.

– Однако твой отец считал иначе, – спокойно парировала тень. – И, между прочим, пал от руки почитаемого тобою вожака. Неужели в твоём сердце нет ни капли желания отомстить?

Никто из окружающих, ни один из напыщенных и напомаженных, пускай даже и самых высокородных обитателей королевского дворца, не смел разговаривать о событиях тридцатилетней давности при Райане де Крауде. Каждый из них знал, что капитан секретной королевской службы МРУ лишь чудом пережил ту страшную резню, устроенную королевскими солдатами при падении крепости Бартун. Все слышали историю о том, как один из простых королевских солдат вытащил маленького зарёванного мальчишку из-под бури мечей. И если бы не он, то Райан де Крауд так же, как его отец, мать и старшая сестра, навсегда остался бы лежать на залитом кровью полу тронного зала. Однако он выжил. Сам Кинвальд Мудрый забрал Райана в столицу и следил за его жизнью. Потому и не смел никто из них, ни одна из этих лживых и мерзких рож, упоминать имя проклятого лорда-палача Гаррака де Крауда при его сыне. При последнем из рода де Краудов. И даже когда речь всё-таки заходила о тех печальных событиях, имён никто не называл. Они говорили просто и коротко: «Палач». Так же говорил и сам Райан, привыкнув считать, что он не имеет ничего общего с тем человеком, кроме фамилии.

– Мой отец, – тихо ответил он наконец, – обрёл на смерть весь мой род. Из-за его решений, из-за его неконтролируемого желания стать королём погребло великое множество ни в чём неповинных людей. Из-за него чуть не погиб я. И только благодаря Кинвальду я всё ещё живу, дышу и занимаюсь не самой грязной на свете работой. Я знаю, как поступают с семьями предателей. Так что не надо тут делать героя из моего отца. Герои обрекают людей на радостную жизнь, а не на бесславную смерть. Ну, а мечь... Мечь – удел тех, у кого в жизни больше ничего не осталось.

Неожиданно Райан задумался: а верит ли он сам в свои слова? Или просто повторяет то, чему его учил Кинвальд? Нет, глупости! Конечно же, он верит. Иначе вся его жизнь – просто пустая и глупая, не заслуживающая спасения фальшь.

– Я рад это слышать, ласточка. Какие мудрые и взвешенные слова – для человека, разумеется! Прекрасно, что ты уважаешь и преданно служишь тому, кого большинство из твоих соплеменников возненавидели бы лютой ненавистью, окажись они на твоём месте... Но ты – ты не такой как все. Поразительная власть над чувствами и достойная уважения трезвость разума. Очень надеюсь, что однажды ты не разочаруешься в своих убеждениях. Без шуток.

Райан, словно наперекор похвале, кинул резкий взгляд на собеседника и шагнул в его сторону. Тень, усмехнувшись, спокойно произнесла:

– Ты должен уметь контролировать боль. Все мы, без исключения – пленники своего прошлого, свидетели настоящего и творцы будущего. Ты, в отличие от своего отца, вырос другим человеком. У него был свой путь, у тебя – свой. Но что бы ты обо мне ни думал, поверь, я понимаю твои чувства. Знаешь, кто в этом мире по-настоящему свободен? Птица. Только она может в один миг расправить крылья и навсегда улететь от того места, где ей было плохо. Вернёмся к делам. Так что там у нас с очередным бунтом на юге?

Райан долго смотрел на тень, молчал. Наконец, резко выдохнув и хрустнув шеей, он поводит плечами, успокоился и продолжил:

– Бунта, как такового, пока не произошло, но предпосылки имеются, особенно после публичной казни де Вадо. Фон Губерт приказал отправить на юг Итласса десяток душегубов Масара на случай, если среди Пограничных остались недовольные. Не хочет наш король повторять печальные события 61-го и 71-го, и я, в свою очередь, прекрасно его понимаю. Сколько тогда потерял Кинвальд в битвах с Палачом за Лир-а-Тиг и Бартун? Двадцать тысяч, если мне память не изменяет?

– Плюс-минус пятнадцать с половиной, ласточка. Продолжай.

– Да из общественного достояния, в общем-то, всё. Но на западе тоже не скучают! Например, вот в Хельсинате¹⁸ на днях произошёл очередной Макрелевый Бунт¹⁹.

– По какому случаю на сей раз?

– Известно, по какому! Король опять поднял налог на улов, приватизировал несколько доселе свободных озёр, посадил над здешними рыбными фермерами своих людей, да ещё и обложил дополнительной десятиной все купеческие гильдии. Мол, к зиме готовиться пора, опять морские разбойники на Волчьих Островах зашевелились; флот и прибрежные патрули, что, дескать, рыболовов от этих самых разбойников защищают, тоже кормить чем-то надо. Вот денежки-то стране и нужны. Конечно, народ взбунтовал, но, пёс его раздери, чтобы прямо в столице бучу устроили? Это, конечно, Матиас постарался на славу! Недовольных всё же удалось разогнать пятками копий и стеной щитов, но человек сто погибло в ходе столкновения со стражей, ещё в два раза больше – во время давки и волнений. В итоге на юге Толланда, в городе Тортон, крестьяне формируют ударную армию, хотят идти на столицу, бить короля, так сказать, по самому его коронованному заду. Смешные! Чего им спокойно не живётся? Не понимают, глупые, что мужик с рогатиной – даже пускай и очень большой рогатиной, – всё равно солдату не чета?

– Ну, это ты зря, ласточка. Первое правило войны – никогда не недооценивай врага своего. Забыл, что случилось в Буано в 45-м, после событий Кровавой Жатвы²⁰? Там ведь тоже всерьёз не воспринимали мужиков с рогатинами, однако, когда к княжескому замку подкатила десятитысячная толпа разгневанной черни, уже было поздно. Если же сокращать подробности, то я просто прихожу к выводу, что на земле Толланда давно войны не было, – усмехнулась тень. – Как там говорится у вас, людей? Народ требует хлеба и зрелищ?

– Точно, их самых. И хорошего пинка под зад! Короче говоря, Матиас испросил помощи у нашей, как он выразился, «достойной и уважаемой антиволнительной службы». Кинвальд дал добро.

¹⁸ Хельсинат – столица королевства Толланд.

¹⁹ Первый Макрелевый Бунт получил своё название из-за нового королевского закона, обязывающего рыболовов платить налог не только за озёрный улов, но и за морской, и отдельно – за выход в море. Впоследствии все последующие бунты в Толланде, начинавшиеся из-за рыбного улова, носили схожее название.

²⁰ Кровавая Жатва – бунт, произошедший в 1123 году от Я.Д, после того как солдаты жестоко разогнали мирное шествие крестьян, желавших просить князя об отмене «налога на рот» – то есть плату за каждого члена семьи, включая неврождённых, который к тому моменту был отменён на всём севере, кроме Княжества Буано и Рысьего Герцогства.

– Кого отправили оттяпывать голову крестьянскому змию?

– Йола и его ребят. Он у нас спец по таким делам. По слухам, восстанием руководит некий субъект из согнанных с земель йоменов, по прозвищу Флог Семипалый. Как всё успокоится, Матиас обещал перевести в нашу кормушку несколько тысяч зелёных крон да, в знак почтения, прислать Кинвальду тридцать бочонков «Толландки» первого разлива.

– Ну, вполне достойная оплата, – равнодушно отметила тень. – Насколько я знаю, лучше Толландской водки можно найти только в Гравине²¹. Ну, а деньги лишними не бывают. Ладно, ласточка. Оставим ненадолго большую политику. Расскажи мне, что там по моим «личным» запросам?

– М-м-м... – закусил губу Райан. – Немного, но кое-что есть. Например, выяснилось, что та шайка, которая похищала людей из секретного орденового списка, Орденом же и была уничтожена. Помнишь, я упоминал про обвал пещеры? Так вот, там всё и случилось. Кто, откуда и зачем – не спрашивай, не знаю. Мы в очередной раз убедились, что в секреты магов лучше не лезть, себе дороже. Благо хоть в кои-то веки справились без нашей помощи.

– Восславим же самостоятельность магиков в делах насущных! – хмыкнула тень.

– А ещё я узнал, кого ищет Дориан. Того паренька из Аконита, который якобы убил Муху.

– И кто же этот ловкий шельмец?

– Некий Лео, вор, ещё известный как Львёнок из Каменных Джунглей.

– Львёнок из Каменных Джунглей? – тень звонко и мелодично расхохоталась. – Очень интересное прозвище!

– Каменные Джунгли – название одного закутка на окраине Сонного квартала. Там крыши домов так теснят друг-другу, что местные жители отродясь солнца не видели. Помнишь, лет пять назад была громкая история о похищении статуэтки Ванналийского Льва у Белого Кардинала? Какой-то молодой воришка стащил её чуть ли не из рук мирно спящего в собственной кровати ле Гольта?

– Помню, ласточка, помню.

– Так вот, этот Лео – и есть тот самый смельчак-вор.

– Занятно. Так, и что про него говорят?

– Говорят, попался он в руки нашей доблестной Инквизиции. Ополчились на него церковники. На сей раз – из-за какой-то украденной книги.

– Посочувствуем ему. А что с кон Кайрусом?

– Вчерашним утром покинул столицу в сопровождении трёх персон. Угадаешь, каких?

– Прекрати интриговать, ласточка, и переходи к делу.

– В общем, первый – Стефан Модера, ученик прославленного Байро Грейхуса. Этот Модера, к слову, участник недавних событий под землёй, где Орден устроил зачистку. Между прочим, сразу же после тех событий пошёл на повышение и получил новую Спираль. Второй – монашек из Кафедрального Собора по имени Юргант. Думаю, ты понял, чей сынок. А третий... Ну? Угадаешь?

– Даже и не подумаю.

– Скучный ты. Третий – уже ранее упомянутый Львёнок из Каменных Джунглей! Насколько я понимаю, ле Гольт уже второй раз за жизнь вместо показательной экзекуции отпускает этого вора на все четыре стороны. Точнее, в определённую сторону. Кингсли просто кипит от негодования и посылает на голову кардинала все возможные проклятья, хе-хе, но тому, насколько я знаю, плевать на лысину Старшего Инквизитора с высот Кафедрального Собора! Сдаётся мне, ле Гольт вербует себе людей, но зачем – не ясно. Самое же интересное – поездка этих личностей, насколько я понимаю, носит крайне засекреченный характер. Так же, как и те

²¹ Великая Гравина – северная страна, находящаяся к востоку от Семирии, за Скалистым морем.

разборки под землёй. Король не в курсе ни о первом, ни о втором блюде, которое стряпают наши многоуважаемые церковники и чародеи у него за спиной.

– Королю и без них есть, чем заняться. Так куда же они отправились?

– Кто их разберёт? Куда-то на восток. Судя по всему, ле Гольт наградил их каким-то особенно важным поручением. Меж тем, Дориан продолжает разыскивать убийцу своего брата, но в Нижнем шепчут, что того уже нет в живых. Быть может, стоит подкинуть ему кой-какую подсказку в обмен на что-нибудь интересное для нас?

– Нет, ласточка. Повременим. Будет лучше, если для Дориана этот Львёнок пока что останется почившим в Свете. Но если вдруг когда-нибудь нам понадобятся услуги Синдиката, то мы будем иметь на руках очень даже весомый козырь. Есть ли у тебя свободная от брэнной службы пташка?

– Допустим, есть.

– Прекрасно! Ты не находишь забавным тот факт, что его высокопреосвященство собрал под одним стягом монашка, чародея, варвара и вора? Не хватает только рыцаря, дабы всё происходило именно так, как в одной старинной сказке.

– Ближе к делу. Зачем тебе нужна одна из моих пташек?

– Затем, что у пташки имеются быстрые крылья, звонкий голосок и способность оставаться в тени. Пускай же она летит им вслед, а по возвращении пропоёт нам о том, куда именно ездила эта пёстрая и, безусловно, интересная компания.

Глава 3. В путь-дорогу

«По мне, так наиважнейшей проблемой современного общества является исключительное отсутствие терпимости друг к другу. Прошли те времена, когда разумные человекоподобные расы нашего мира жили обособленно, отдельно друг от друга, строго и ревностно охраняя границы своих территорий. С развитием торговых отношений и политических союзов, освоения далёких рубежей и прокладывания новых судоходных и пеших путей мы, безусловно, стали сближаться, и сей прогресс уже не остановить! Ушло безвозвратно то время, когда мы сидели в своих поселениях и замках и гадали: что же там, за той вон седовласой горой? Наши города, несмотря на некогда кровавые войны и распри с непохожими на нас народами, теперь населяют многочисленные представители нелюдей: эльфы и гномы, лепры и клуры, рагхарцы и велиманны, гоблины и кобольды, даже воинственные яларги и гарраги, на нашем языке называемые орками – и те смогли найти с нами общий язык! И вроде бы движемся к свету, дружбе, миру! Но при всём прочем мы продолжаем награждать наших теперь уже соседей, а не врагов, громогласно-звучными прозвищами: ушастыми – эльфов, бородачами – гномов, жаadyгами, ханугами или пупками – лепров, зелёно-чёрно-краснозадыми, уж простите за грубость, орков! Нас хлебом не корми, дай придумать соседу прозвище пообиднее. Отсюда, дорогие мои, и происходят все наши конфликты с представителями иных рас. Да что уж говорить, я сам использую такие звучные эпитеты, как „человекоподобный“ или, скажем, „иной“. Подобная пренебрежительность к непохожим закостенеела в наших с вами головах и, пустив корни в сердца, разрослась, аки зловредная опухоль! Беда? Беда. Так чего же мы ждём от будущего, с таким-то отношением к ближнему своему?»

Алрог Манд, из эссе «Слово о Терпимости»

«Убирайся, нелюдь! Вон из людских городов!»

Надпись на стене Миротаунской Академии Наук

Хмурый Львёнок брёл за своим провожатым, зябко ёжась от утренней прохлады и падающих с небес капель. Натянув капюшон пониже и зевая на ходу, он проклинал чёртова кардинала, чёртов дождь, но главное – чёртов Камень. Помимо того, что разбудили ни свет ни заря, так ещё и выезжать приходилось в такую непогоду.

Внутри конюшен оказалось тепло, пахло соломой, лошадьми, деревом и навозом; конюший с помощниками уже был на ногах – кто накладывал лошадям корму, кто обрезал копыта и проверял подковы, кто просто мыл и чистил белых, бурых, пегих, вороных и прочих разномастных скакунов. Львёнок, проходя мимо множества любопытных лошадиных голов, заприметив знакомое лицо в конце помещения, улыбнулся. Прошлым днём, после того, как кардинал отпустил их, Стефан тут же убежал по своим важным орденским делам, оставив Лео одного в лоне всемогущей и всеобъемлющей церкви. Теперь же чародей стоял посреди лошадиного царства, несмотря на ранний час, как всегда, свежий и бодрый. Маг сменил орденскую мантию на простенький, песочного оттенка камзол, бежевый дорожный плащ с капюшоном, чёрные штаны и высокие сапоги для верховой езды. Свои тёмные волосы Стефан зачесал назад и уложил с помощью специального воска, отчего те блестели на свету – такие причёски пользовались популярностью в Лескони, особенно среди молодого дворянства.

Рядом, о чём-то тихо разговаривая, стояли двое служителей церкви: кардинал – тоже бодрый, но не столь помпезный, как накануне, и молодой паренёк в светлой мешковатой тунике без узоров, подвязанной простым ремнём. Ученик кардинала оказался чуть выше Лео, худой, бледнокожий и до ужаса лопухий; волосы он обрил по монашеской моде, практически под

ноль, зато под нижней губой отращивал курчавую юношескую бородку. На непримечательном, слегка вытянутом лице ярко выделялись светло-голубые глаза.

«Точь-в-точь, как зенки его высокопреосвященства. Быть может, какая-то дальняя родня? Или они здесь все в церкви со временем становятся похожи друг на друга?»

Кардинал насупился, и Львёнок, вспомнив про ощущение чужого пальца в носу, перевёл взгляд на четвёртого участника отряда. Чуть поодаль ото всех, прислонившись широкой спиной к стене, мифическим исполином возвышался рагхарец. Рядом с ним стоял такой же огромный, как и его хозяин, двуручный меч в кожаных ножнах. Варвар, не обращая ни на кого внимания, смотрел отстранённым взглядом в только ему видимую точку и лениво пожёвывал длинную соломинку. Трое встречающих, не считая рагхарца, повернулись навстречу вору. Стефан, улыбнувшись, поднял руку; кардинал поджал губы и сухо кивнул; а вот молодой парнишка тут же впился в Львёнку пристальным взглядом – ну точно кредитор в упустившего все сроки заёмщика.

«Чую-чую, он уже успел наслушаться всякого обо мне...»

– Доброе утро, господин Лео, – прохладно поздоровался ле Гольт. – Как спалось?

– Доброе. А почему вы спрашиваете?

– Говорят, воров по ночам донимают муки совести. Потому-то они все и выглядят бледными, больными и уставшими.

– Нагло врут, ваше высокопреосвященство! Спал как убитый.

– Да как ты разговариваешь с... – открыл было рот лопухий монашек, но ле Гольт его остановил.

– Тише, мальчик мой. Не поддавайся негативным чувствам. Помни, что путь к зрелой мудрости пролегает через полное душевное равновесие.

Видимо, ученик кардинала совершенно забыл об этом постулате, ибо в глазах его душевным равновесием вовсе и не пахло, зато вот глубокой неприязни – хоть отбавляй. Ле Гольт поманил рагхарца пальцем, и когда тот подошёл, кардинал положил руку на плечо монашка.

– Знакомьтесь. Это – мой ученик Юргант. – На мгновение Львёнку показалось, что в голосе кардинала проскользнула отеческая теплота. – Этих господ величают Стефаном Модера, Лео из Нижнего и Завалоном Рагхарским. Теперь, когда все формальности соблюдены, перейдём к делу.

Кардинал обвёл упомянутую троицу задумчивым взором, почесал заросший подбородок и, прочистив горло, заговорил:

– Итак, дорогие мои. Вам предстоит довольно длительный путь, конечной точкой которого являются Серые Холмы, графство Награн. Напоминаю, что нужный вам человек откликается на имя мастера Сарда. В Серые Холмы он отправился инкогнито, под видом церковного специалиста по историческим ценностям, дабы провести опись обнаруженных на месте захоронения вещей. О том, что Сард является экспертом в области Астральных артефактов²² и прославленным практиком Низкого чаровничества, и речи быть не может, так что по прибытии держите свои рты на замке. Про цель вашей поездки и, само собой, про Камень – тоже никому ни слова! Юргант владеет всеми необходимыми бумагами, заверенными лично мной и моей печатью, потому ни на границе Сэдэна, ни при любой другой встрече с местной исполнительной властью сложностей возникнуть не должно. Ваш маршрут проложен так, чтобы вы двигались максимально без задержек, но при этом спали под крышей, а не под звёздным небом. Прибыв в Холмы и отыскав мастера Сарда, вы либо справляетесь с нашей маленькой проблемой на месте, либо незамедлительно выезжаете туда, где сможете связаться с Орденом и, в частности, со мной. В нашем случае этим местом является замок графа Кудроу, лорда тамошних земель. При любых раскладах обратно вы поедете через его владения, так что придворный

²² К Астральным артефактам относятся любые предметы и вещи, напрямую связанные с магией.

чародей доброго графа уже предупреждён и будет ждать вас. Независимо от успеха миссии, вы должны будете доложить о своей судьбе. Это я говорю конкретно вам, ваше магичество!

Стефан терпеливо кивнул.

– При благоприятном стечении обстоятельств к середине сеира вы вернётесь в столицу, самое позднее – к началу обира. Время сейчас более-менее спокойное, никаких пограничных инцидентов и прочей феодальной грызни меж лордами Сэддена не наблюдается, но всё равно, всем вам следует вести себя тихо и не привлекать к себе внимания. Все расходы в дороге Церковь берёт на себя. Теперь, господа, слушаю ваши вопросы.

Так как вопросов не последовало, кардинал подал знак конюшему, и вся процессия двинулась к выходу на улицу, где накрапывал мелкий дождик, а небо темнело. Вскоре к ним вывели две пары навьюченных лошадей. Когда к Львёнку подвели его скакуна – поджарого вороного рысака с белым пятном на лбу – вор впал в лёгкий ступор. Обернувшись, он с завистью наблюдал, как Стефан, Юргант и даже Завалон непринуждённо забираются в сёдла. Магу досталась симпатичная и лёгкая буланая кобылка, ученику кардинала – крепкий гнедой мерин. Оказавшись в седле, Юргант похлопал коня по загривку, наклонился, что-то зашептал, словно старому знакомому. Мерин в ответ запрядал ушами и радостно фыркнул. Завалон довольствовался бриттольским тяжеловозом молочного оттенка с каштановыми пятнами, густой длинной гривой и мохнатыми ногами.

– Я вижу, уважаемый, что у вас имеется опыт верховой езды, – с вежливой улыбкой отметил кардинал.

– Да, – пробасил варвар, запуская свои огромные пальцы в гриву тяжеловоза. – В мой родина...

– «На моей родине», господин Завалон.

– На моей родине мы есть укрощать... большой и рогатый лошадь! Но этот лошадь – тоже хороший животная! Она похожий на мой, оставшийся в дом.

– Видимо, вы имеете в виду прославленных рагхарских туров? Или зубров?

Завалон посмотрел на кардинала странным взглядом, затем пожал плечами и кивнул. Когда все, кроме Львёнка, оказались в сёдлах, ле Гольт повернулся к вору.

– Вам, друг мой, отдельное приглашение? – усмехнулся он. – Быть может, вас следует посадить?

– Давай, Лео, – подбодрил друга Стефан. – Это не так уж и сложно, поверь мне.

– Не переживайте, уважаемый господин, – добродушно улыбнулся усатый конюший. – Feilhtrass обладает довольно покладистым характером. Видите, как вам рады – нюхает, изучает, высматривает, что вы за фрукт такой? Это, значит, понравились вы ему!

– С чего такая уверенность? – буркнул Львёнок, играя с конём в гляделки.

– Дык, в обратном случае вы бы и на три шага не подошли! Лошадки – они же, как люди, умные совсем.

«Feilhtrass, значит? Как же это с ильвисса²³ будет? Вроде бы птица... Не то „ястреб“, не то „ласточка“? Нет... Точно – сокол! Ох, приехали, выдумщики чёртовы. И кому только в голову пришло назвать коня Соколом?»

– Господин Лео, долго вас ждать ещё? Быть может, вы решили путешествовать пешочком?

– Да, я... Проклятье. Сейчас.

«Ах ты, старая и прогнившая нутром зараза! Ещё и святым человеком себя мнит! Знает ведь, сволочь, что в Нижнем городе, особенно таких, как я, не обучают верховой езде. А учитель? Тот же молодец! Воровать – научил. Выживать – научил. На ножах драться – тоже научил. Он меня, чёрт побери, научил даже стряпать, ходить по канату, ковать

²³ Ильвисс – язык народа нильхэ; среди людей они чаще именуются светлыми эльфами.

железо и, будь проклята ко всем чертям собачьим эта грёбанная игла с напёрстком, вышивать, словно крепостную матрону! А одному из самых необходимых умений в жизни – нет...»

Сокол, словно читая его мысли, фыркнул и топнул копытом. Лео заглянул в его большие и чёрные глаза. В них как будто бы даже читалось лёгкое участие, словно конь все понимал и говорил: «Не дрейфь, дружище, у тебя получится!»

«Так, дружок мой Сокол, надеюсь, мы с тобой подружимся. Ты, братец, только будь спокойным и покладистым, хорошо? А я тебе яблок куплю. Много вкусных яблок... Или чего ты там ещё любишь...»

Львёнок потрепал животное за гриву, провёл рукой по вытянутой морде, ощутил кончиками пальцев мягкую и тёплую шерстку и, дождавшись одобрительного фыркания, засунул ногу в стремя. Подпрыгнул, оказался в седле.

«Так... Полдела сделано! Только вот... Как же оно работает? Чтобы тронуться, надо потянуть поводья на себя. А чтобы поворачивать, надо тянуть в противоположную сторону от нужной? Или же, когда хочешь остановиться, надо потянуть на себя? А для того, чтобы тронуться, чмокнуть губами? А, зараза, чтоб тебя! Я ни черта не знаю о верховой езде. Какого хрена во всех этих тупых сказках про королей и рыцарей всё внимание уделяется битвам с драконами, спасению принцесс, пирам со знатными вельможами и прочей бесполезной в жизни ерунде, однако о том, как надо править лошадью, ни слова?!»

Процессия двинулась вперёд. Лео, запаниковав, дёрнул поводья, конь захрапел, опустил голову и попятился. Конюший, глядя на всё это, сжалился над вором:

– Мил сударь, перестаньте мучить бедное животное, ей-богу! Пяточками по бокам дайте – и всё! Только легонько и нежненько.

Лео последовал совету и – о, чудо! – рысак послушно двинулся вперёд, пристраиваясь за кобылкой Стефана. Едущий во главе Юргант обернулся, махнул на прощание рукой. В ответ уже издалека прозвучало прощальное напутствие кардинала:

– Успехов вам, господа, возвращайтесь скорее! И да придёт с вами Их мудрость.

Глава 4. О прошлом, настоящем и будущем

«Единое Семирийское Королевство, заслуженно считающееся сильнейшим государством Северных Земель, имеет за своими плечами объёмную и многовековую историю, уходящую корнями в глубины далёкого, но отнюдь не радужного прошлого. А начинается сия история где-то в конце Эпохи Стамноссона, переходящей во Времена Бронзы, а затем уже и Железа. Одноимённые с королевством земли, на которых некогда обитали кочевые племена семиров, саров, бриттов, сальдоров и унгов, впитав в недра свои множество пролитой в сражениях крови, в конце концов пережили времена раздоров и войн. Скитания племён закончились, на месте деревень и сёл стали возникать малые города, а те в свою очередь с годами переросли в великие оплоты цивилизации – оплоты мира, процветания и неумолимого прогресса.

Города росли и ширились, устанавливались границы, заключались первые пакты о ненападении, впоследствии обращаясь союзами и альянсами. На месте бывших городов возникали целые королевства и княжества. Люди шли к миру, и мир шёл к ним – большими, семимильными шагами. Годами позже уже братские, а не вражеские народы севера пришли к пониманию, что истинная сила возникает через единство. Там, где обособленно процветали большие и малые феодалы, всеобщими усилиями воздвиглась Империя Семиров, властвовать над которой выпала судьба Императору Ардароссу. Простоять Империи той суждено было ни много ни мало почти что полтысячелетия, однако, как известно всем мужам учёным, ничто не вечно под луной. Прогремел Великий Катаклизм, и положил он конец царствованию Великого Императора на землях Севера. С падением одного раскололась его держава на множество осколков, а величие непобедимой Империи кануло в лету. Наступила Тёмная Эпоха.

Пережившие Катаклизм, раскиданные по всем землям Семирии имперцы, уже не ведая единства под общим знаменем, вновь принялись с недоверием в глазах коситься на соседей, шептать о них слова дурные да замышлять нехорошее в головах своих. В итоге отделились они друг от друга, разошлись в разные стороны, обозначили границы своих новых владений и спрятались за высокими стенами больших городов. Всего семь городов этих было, а имена их знакомы нам сызмальства: Миротаун, Люран, Касадир, Бремес, Лир-а-Тиг, Мион и Артогард. Взошли над этими городами семеро знатных и уважаемых правителей, взяли в руки скипетры и державы да водрузили на головы свои короны золотые, приняв царствование над склонившимся пред ними людьми. И объявили во всеуслышание те семеро новоиспечённых королей о новых временах. А именно – о временах Семи Королевств: Бриттолиши, Андарилиши, Эвэдэра, Итлисши, Сэддэна и Нойдамма.

Как известно мужам учёным, кои не только в будущее зрят, но и в прошлое одним глазком заглядывают, история циклична, как ежегодный круговорот сезонов природы. Она повторяется вновь и вновь: Эпохи уходят и возвращаются, меняются лишь имена, но не происходящие в них события. Вернулся раздор, вернулась война. Почти пять сотен лет длилась Тёмная Эпоха, где нескончаемым потоком продолжались братоубийственные войны Семи Королевств. Конец же временам семи королей принесла эвэдэрская дева-воительница, при жизни носившая имя Фрэйра Дщерь Бури. Рождённая в простой семье, но унаследовавшая непростую судьбу, стала та дева вместилищем воли и слова божьего, сосудом для избранного богами и предназначением ребёнка. На поле боя, там, где стонали раненые и молчали убитые, родила она сына, коему было предназначено самими Богами-Братьями – Дароном и Эвэром – стать единственным Королём на залитых кровью землях семи царей. И нарекла Фрэйра своего сына Тэольконом Буревестником.

Тэолькон, с юных лет познавший ужасы войны, росший в окружении воинов и полководцев и переживший не одно сражение, к совершеннолетию своему принял титул отца своего, почившего в битве эвэдэрского князя Ландгерина. И теперь уже князь Тэолькон Буревестник, возмужавшее дитя из пророчества, самолично повёл людей за собой. Спустя годы сбываться стало пророчество девы-воительницы Фрэйры, матери будущего короля Семирийского: поднялся сын её Тэолькон над прочими и взойёл он на трон Королевства Эвэдэрского, но не остановился на том, а продолжил путь к своему предназначению. В итоге словом мудрым, красотою пламенной, огнём и мечом да с силой Богов-Братьев за плечами привёл он народ Семирии к долгожданному миру. И преклонили пред ним свои колена оставшиеся короли, да признали его они как единственного верховного владыку народа семирийского и присягнули ему на вечную верность, да приняли титулы Лордов Великих и Хранителей Мира в Королевстве новоиспечённом. По велению Тэолькона Первого остались те Лорды на землях своих править от имени короля своего и диктовать людям простым его волю. И были они, как и прежде, всё так же независимы ни от кого на свете белом, кроме владыки своего Тэолькона и детей его, полуживших начало династии Фрэйвиндов. А королевства их, некогда независимые друг от друга, стали провинциями единого и великого государства.

Память о временах Семи Королевств осталась лишь в названиях тех провинций, коими и стали они, а именно: Бриттоль, Андариль, Итлсс, Досконь, Сэддэн, Нойдамм и главенствующая над всеми оными земля королевичей семирийских – Эвэдэр. Так и возникло величайшее королевство северное, именуемое Семирией. Так и появился единственный из достойных править народом семирийским род Фрэйвиндов, чьи отпрыски вот уже не один век восседают на Троне Молний да несут людям волю Богов-Братьев.»

**Лодиас Лавид, хронист Дворца Знаний
«Краткая история Севера»**

«Что я могу сказать об истории? Лишь то, что знать её надо. Однако, смею добавить, изучая историю, никогда не забывайте о том, что нас с вами там не было. А значит, и любые „достоверные“ и „неоспоримые“ факты могут оказаться обычным мыльным пузырьём...»

**Алрог Манд, профессор философии
Миротаунской Академии Наук**

Ещё до наступления полудня отряд покинул Миротаун через Южные ворота. Дождь к тому времени пошёл на убыль – тучи постепенно редели, готовясь уступить небосвод яркому солнышку. Настроение постепенно поднималось у всех, кроме Львёнка. Виной всему послужил его новоиспечённый «друг» – жеребчик по имени Сокол.

Выехав с территории Верхнего города и миновав Площадь Героев, отряд свернул на Южную Лучевую улицу и благополучно достиг внешних городских ворот. Ничто не предвещало беды, когда жеребчик неожиданно решил проверить своего нового хозяина на прочность и без всяких предупреждений «свечканул», – то есть резко встал на дыбы! Сей необычный термин Лео узнал от старающегося подавить улыбку, правда, без особых успехов, Стефана. Наверняка прошлые хозяева Сокола не обращали внимания на подобные выкрутасы, но Львёнок, лишь с час как записавшийся в ряды конных наездников, в седле, конечно же, не удержался и благополучно полетел в ближайшую лужу. Сокол, надо отдать ему должное, оказался настоящим «другом» и вместо того, чтобы с радостным гиканьем покинуть место преступления, терпеливо остался стоять рядом, с лёгким ехидством в глазах наблюдая за выбирающимся из грязной лужи хозяином. Следующие пару часов Львёнок оставался мрачен и неразговорчив, как наевшийся тухлой селёдки гном, изредка посылая сквозь зубы проклятья на головы всех шепутных жеребчиков в этом мире.

У ворот, как обычно в это время суток, бурлила и пенилась, что волны морские, огромная толпа прибывающей в город челяди: простые торговцы, купцы из тех, что побогаче, совсем низ-

кого положения крестьяне, запылённые от долгой дороги путешественники, сквернословящая и чеканящая шаг солдатня, интересные на вид чужеземцы из далёких стран да великое множество прочих и прочих желающих попасть в Жемчужину Севера. Стражники из числа Агатовых Ястребов, не жалея лужёных глоток, кричали о том, кому сейчас следовать на досмотр, кому подождать своей очереди, а кому «постоять в сторонке и погреться на солнышке, пока тяжёлым сапогом по одному месту не стукнули». Благо выезжающих из города не досматривали и выпускали вольно.

Отряд не спеша ехал по широкой дороге, держа направление в сторону главного восточного тракта. Густо заселённый низенькими домишками пригород остался далеко позади; мимо тянулись небольшие поселения и фермерские угодья. Об утреннем дожде напоминала лишь быстро подсыхающая дорожная грязь, посему плащи и прочая верхняя одежда отправились во вьюки.

Уже не столь хмурый Львёнок рассеяно теребил висевшую на груди чудо-стекляшку – ювелирные мастера, по наставлению расшедрившегося кардинала, изготовили для Камня обод и крепкую цепь, дабы вор мог держать находку у самого сердца. Чувствовать в руке шероховатость тёплого камушка оказалось на удивление приятно. Лео размышлял о превратностях судьбы, когда с ним поравнялся Стефан. Маг, явно имеющий больше опыта в искусстве верховой езды, держал руки на луке седла, управляя лошадкой исключительно коленями.

– Ну что, Лео, как себя чувствуешь?

– Как ты там говорил? Мол, голова – не седалище? Так вот, теперь болит именно что седалище, ага! И оно самое, отбитое да униженное, отказывается вести с тобой светские беседы.

– Расслабь ты уже своё седалище, сразу станет легче. Если ты не в состоянии справиться с лошастью, могу уступить свою кобылку на ближайшей стоянке. Она у меня покладистая, совсем без гонора.

Стефан похлопал лошадку по шее, и та в ответ, словно соглашаясь с ним, жизнерадостно фыркнула.

– Нет уж, благодарю. Я с этим парнем ещё не закончил. – Львёнок тем же самым жестом похлопал Сокола, и тот, обернувшись, удивлённо покосился на седока. – Ну, и чего ты вылутился, морда конская? Вот, смотри, твоих рук дело! Только, называется, выдали приемлемую одежду...

Вор укоризненно продемонстрировал коню вымазанный в грязи рукав новёхонькой белой рубахи под распахнутым чёрным колетом²⁴. Сокол отвернулся и фыркнул, мол, а я-то что?

– Ты ещё медяк с него потребуй за чистку! – хохотнул Стефан. – Напомни мне дать тебе пару уроков верховой езды намедни.

– Всенепременно, – буркнул Львёнок, нахохлившись. – Сам-то когда успел научиться этому выпендрёжу?

– В Фиалковой Школе, – пожал плечами друг. – Я же – маг-консул. В принципе, всех орденских обучают держаться в седле ровно, но у меня как у ближайшего советника благородных лиц были углублённые занятия, если так можно выразиться.

– Тоже мне, советник рож благородных! И к чьему двору тебя в итоге отправят? Кому вы будете давать свои бесценные советы, ваше чародейство?

– Пока, как видишь, только тебе. Выпрями спину, сгорбился, как гоблин. В седле нельзя так сидеть, ты ведь не карьером идёшь, а шагом. Учись входить с лошастью в одним ритм, воздействовать на неё шенкелями²⁵, работать крестцово-поясничным отделом и корпусом, расслабляться, в конце концов! Ты сейчас согбен и напряжён всем телом, словно приклеен к седлу, а должно быть совсем наоборот.

²⁴ Колет – мужская короткая приталенная куртка без рукавов.

²⁵ Шенкель – обращённая к скакуну часть ноги всадника от колена до щиколотки, помогающая управлять лошастью.

Львёнок фыркнул не хуже Сокола, но совету всё же постарался последовать.

– Шенкель-шменкель... ладно, Стеф. Раз уж мы завели с тобой подобные разговоры, давай совет. Как от Камня избавляться будем?

– В смысле – как?

– В прямом! Здесь уже нет Белого Кардинала, и Церковь на нас не давит. – Львёнок взглянул на едущих чуть впереди монашка и варвара. – Как мне отвязаться от этой чудо-штуковины? Желательно это сделать до того, как дорога пойдёт севернее.

– Это ты к чему? – нахмурился друг.

– К тому, что в Сэддэн я не поеду.

Стефан резко, словно тур, выдул носом воздух и пристально посмотрел на Львёнка.

– А куда, извини за вопрос, ты едешь?

– Поглядим. Думал о Люране. Быть может, севернее, в Дорбрид, например. Пока не решил. Короче, по своим делам.

Стефан покачал головой да стиснул зубы так, что аж желваки выступили.

– Значит, я тут воюю с кардиналами, ползаю на коленях перед советами, напрягаю своего учителя и ношусь, как ужаленный, по всему Верхнему городу... А он по своим делам собрался? Во имя Богов-Братьев, Лео... Как же я сейчас зол на тебя!

Львёнок закатил глаза, наигранно застонал.

– Ладно тебе, выдохни. Покраснел-то, ух – аж жилка во лбу бьется! Хочешь, поехали со мной? Вдвоем и веселее будет, и годы упущенные наверстаем. М? У меня и квартирка есть в Северной Гузке...

Стефан в ответ обжёт его яростным взглядом – хоть стекло плавь.

– Ну и ладно, – фыркнул Львёнок. – Не хочешь, не надо. Моё дело – предложить.

– До пошёл ты, Лео! Чтобы ещё раз я ради тебя палец о палец ударил? Да ни за что...

Продолжить Стефан так и не смог, так как его резко скрутил надсадный кашель. Львёнок взволнованно потянулся к другу, но тот лишь отмахнулся. Когда приступ сошёл на нет, сильно побледневший маг утёр губы платком и тихо выдохнул. Выглядел он не лучшим образом: под глазами круги, лицо бледное, кожа лоснится бисеринками пота. Едущие впереди варвар и монашек, услышав кашель, оглянулись, но, быстро потеряв интерес, вернулись к дороге.

– Ты в порядке, Стеф? Уже не в первый раз...

– В порядке! А вот у тебя, Лео, с головой совсем не в порядке, раз ты решил самодурством тут заниматься. Этот Камень – не игрушка! И все связанные с ним последствия – тоже! Ты хоть понимаешь, что если дело обернётся наихудшим из вариантов, то вырвавшаяся из Камня Сила просто-напросто размажет тебя по земле, расплющит в тоненький блинчик, а затем разорвёт на тысячу маленьких Львёнков! Ого? Вот тебе и «ого»! Сообразил наконец?

– Чёрт... Ты это серьёзно? – брякнул густо покрасневший Лео. – Я-то думал, что всё это так, обычное бла-бла, чтобы вытащить меня из лап кардинала...

– Хреново ты думал, Лео, – сказал маг и поморщился. – Короче говоря, прекрати заставлять меня сквернословить, а все свои выдумки – выкинь вон из головы! Хватит уже вести себя, как ребёнок. Детство осталось далеко позади.

– О да, безусловно. Сказал тот, кто успел урвать его кусочек.

– Ты это к чему? – прищурился Стефан.

– Ни к чему, забыли.

– Мол, что у меня детство было сказочным, а у тебя – нет?

– Я сказал «забыли»!

– Нельзя вот так вот просто, Лео, что-нибудь ляпнуть, а потом сказать «забыли». Так в этом мире дела не делаются.

– Ну давай, умник, расскажи-ка мне, как правильно жить надо. А то я, видимо, своим умом-то скудным не пойму!

– Судя по тому, что ты сейчас лопочешь, это был верный вывод, – фыркнул маг и, не удержавшись, добавил:

– Особенно с таким отношением к выпавшим на твою долю испытаниям. Конечно, ведь что может быть проще? Взять, да сбежать! Очень в твоём духе, Лео.

– Серьёзно? Ну-ну. Уж кто бы говорил про взять и сбежать. Я-то в детстве от тебя никуда не сбегал... А может быть, ну его к чёрту? Зашвырнуть эту безделицу в ближайший куст и забыть о ней, как о головной боли? Чем не выход? Ответь же мне, дружище!

– Давай-давай, зашвырни, – спокойно заключил Стефан. – Заодно наконец узнаем, на какое расстояние вас надо разлучить, дабы эта штука тебя наконец-то убила. И себя освободишь от бремени, и меня от головной боли избавишь. Я теперь, понимаешь ли, тоже не очень горю желанием тащиться чёрт знает куда после всего сказанного тобою, «дружище». И ради чего я только напрашивался в эту авантюру? Подумать только! Рискую тут всем, помогаю ему, а он...

– Что? Что – я?

– Ничего.

– Нет, ты ответь.

– Всё, закончили.

– Ничего мы не закончили! Говори давай, что – я?

– Как пожелаешь. Ты, Лео, – выплюнул Стефан, – ведёшь себя, как самая настоящая неблагодарная свинья. Видимо, было бы лучше, если бы ты поехал один? Не знаю. Но, быть может, некоторым людям просто суждено оставаться по жизни в одиночестве...

Львёнка бросило в краску, а его руки едва заметно задрожали.

– Вот оно, значит, как, дружище? – процедил он сквозь зубы. – Я, значит, неблагодарная свинья, которая не ценит порывов настоящей дружбы? Отталкивает руку помощи, да? Плюёт в лица тем, кто ради неё разбивается в лепёшку? Я из таких гадов, которым лучше по жизни быть одним, верно? Ладно, хорошо. Я, между прочим, тебя и не звал с собой в эту чёртову поездку! Сам всю жизнь справлялся со своими проблемами, без чьей-либо помощи! Тоже мне, герой-спаситель выискался, ха-ха! Где ты был, героюшка, когда я мёрз на улицах? Где ты был, когда меня ежедневно избивал и грабил жирный ублюдок по имени Маркун только за то, что я спасался от морозов на его чердаке?! Где был ты, когда я ползал на задворках кабаков в грязи и умолял хозяев, чтоб мне дали доесть те объедки, что остались со столов господ? А?! Ну, ответь мне! Где ты был в те дни? Где был ты, спрашиваю, когда я остался один на один с этим грёбанным миром?!

Перед глазами Львёнка всё поплыло, и от этого он разозлился ещё сильнее. Казалось бы, столь старая рана давно уже должна была зарастить коркой, затянуться новой кожей и в итоге обратиться лишь иногда зудящим шрамом. Но некоторые раны напоминают о себе всю жизнь.

– Я отвечу за тебя, – прохрипел вор, проглатывая ком в горле. – Ты был в тепле. Ты был одет и накормлен. Ты был окружён друзьями, учителями и заботой. Тебе дали всё в твоём обожаемом Ордене! Пока я выживал, как мог. И после этого я ещё и неблагодарная свинья? Ну, что же ты молчишь, дружище? Сказать нечего?

– Есть чего, – спокойно произнёс Стефан. – Я не виноват в том, что моя доля оказалась лучше твоей. И я не испытываю вины за свой дар. И да, мой обожаемый Орден спас меня от всего этого дерьма, что досталось тебе. Но я в этом не виноват. И уж, тем-более, я не виновен в твоей несладкой участи.

– А кто? – рыкнул Львёнок. – Кто виноват? Скажи... Кого можно винить?

Вор, побагровев и осунувшись в седле, смотрел пустым взглядом в одну точку. Трудно было смириться с одиночеством. Ещё труднее, оказывается, было от него отвыкать. Ибо всё и всегда заканчивалось одним и тем же. Он оставался один.

– Во всей вселенской несправедливости, что есть в нашем мире, ты можешь винить тех, кто его создал, – наконец ответил Стефан. – Однако помни о том, что вряд ли они тебя услышат. Зато вот за все упущенные в жизни возможности ты можешь винить только себя. Особенно за те дни, когда люди ещё тянулись к тебе, но ты сам в итоге всех от себя оттолкнул. Подумай об этом, когда остынешь.

Стефан подстегнул коня и отъехал вперёд, оставив Львёнка наедине с его злостью, болью и обидой, но главное – стыдом. Стыдом за всё, что он сейчас наговорил, когда лучший друг, пускай и случайно, но всё же сковырнул старую рану. Вскоре Лео догнал Стефана, поравнялся рядом. Какое-то время ехали молча. Наконец вор нашёл в себе силы заговорить:

– Прости меня, дружище. Ты чертовски прав, я – действительно, неблагодарная свинья. И я не виню тебя за то, что твоя доля оказалась лучше. Нет, правда, я рад, что Орден дал тебе нормальную жизнь. Просто... Горько внутри. Понимаешь? Очень горько бывает временами...

Стефан покосился на друга, нахмурился и ничего не ответил.

– Видишь? Мне стыдно! Да, я был не прав, но уже извинился. Этого недостаточно, что ли? Эй, к тебе ведь обращаюсь! Да хорош уже, чёрт бы тебя побрал!

– А я-то, что? Это ты, Лео, был хорош. Устроил тут истерику, понимаешь...

– У всех бывает время от времени.

– Ну-ну.

Какое—то время ехали молча. Наконец Львёнок протянул Стефану руку.

– Друзья?

– Ну-у-у, теперь уже даже не знаю, – протянул маг, демонстративно закатывая глаза. – Я тут уже решил, что раз мы больше не друзья, то можно поворачивать назад... А так ещё с тобой в Сэддэн тащиться придётся.

– Не зря говорят, что настоящий друг – та ещё зараза, – ухмыльнулся Лео. – Однажды подцепив, таскаешься с ней по жизни, но, как бы она тебя ни доставала, всё равно не лечишь...

– Я знаю другое изречение, – скопировал ухмылку Стефан. – Настоящий друг не только плечо подставит в трудный час, но и в морду даст, когда ты охамеешь!

– А вот это очень даже правильно было сказано! Как только начнёшь хаметь, знай: мои кулаки всегда к услугам твоей морды.

– Пф-ф-ф, тогда могу пообещать тебе тоже самое, Лео. Вот только в моём случае воспитывать тебя будем магией!

– Отбей уже, чародей-недоучка!

– Э? А!

Маг хлопнул вора по руке, и друзья от души посмеялись.

– Ладно, раз уж мы начали об этом, – произнёс Львёнок, – значит, все разговоры о Камне были взаправду?

– Ох, ну что с тобой делать, – вздохнул Стефан. – Да, Лео! Мы едем в Серые Холмы, дабы выручить тебя из очень серьёзной проблемы. А всё, что я наговорил в кабинете ле Гольта – самая что ни на есть настоящая правда. Теперь, надеюсь, ты понял?

– Понял, понял. А что твой Орден? Им всё равно? Неужели не было других кандидатов для... эм-м... столь деликатного дела?

– Это ты на что сейчас намекаешь? – прищурился маг.

– Не намекаю, а говорю в лоб, – прыснул вор. – Ты, безусловно, крут, но, чёрт побери, я уверен, что в твоём Ордене есть субъекты и покруче. Не согласен?

– Хм. У Ордена после той бучи в пещере дел невпроворот. Видишь, дожди над городом почти неделю шли? Спасибо нашим, мы ещё легко отделались. Все старшие заняты более важными делами.

– И эти дела намного важнее, чем совершенно непонятный никому из ваших умников камушек?

– Давай смотреть здраво. Совет считает, что твой Камень – обычный, хоть и сильно заряженный Энергиями, артефакт древности. Скажем так, некая астральная самовосстанавливающаяся «копилка» чистой Силы, без привязки к первоэлементу. Так что – да, он, конечно, особенный, но не настолько, чтобы...

– ... Случись что неладное, рисковать кем-то из вышестоящих? – фыркнул вор. – Понимаю! Здраво твои ребята мыслят, прагматично!

Стефан помрачнел и задумчиво отвёл глаза. Львёнок, сообразив, что ляпнул то, о чём друг даже и не задумывался, решил сменить тему:

– Ладно, пока есть цель, надо к ней двигаться и не думать о грустном. Сэддэн, так Сэддэн. В любом случае, я очень признателен тебе за всё. Спасибо, что не бросил меня.

Маг покосился на вора, поджал губы.

– Пожалуйста. Но с тебя должок.

– Деньгами могу отдать?

– Почему бы и нет? Скажем... сто фульдов, и мы в расчёте.

– Сколько?!

Друзья рассмеялись. Солнышко засветило ярче. Львёнка переполняло чертовски приятное чувство единения с другом, которого ему так долго не хватало.

– Ого! – Лео указал пальцем в небо. – Смотри вон, какая радуга огромная! Всем радугам радуга!

– Пф, тоже мне, радуга, – фыркнул Стефан, глядя на небо. – Я и побольше могу наколдовать.

– Да тебе бы только радуги и наколдовывать, маг-недоучка, – хохотнул вор. – Ты, кстати, бывал в Сэддэне?

– Нет. Но знаю, что сэддэнцы не терпят трёх вещей.

– Каких именно?

– Во-первых морепродукты. Тамошний народ дарам моря предпочитает хорошо прожаренную утку с крыжовником и картофельные кнедлики. Посему, не проси в местных в тавернах что-нибудь рыбное.

– Терпеть не могу рыбу, – усмехнулся Львёнок. – Так, что ещё?

– Во-вторых, они практически не чтят Старых Богов²⁶. Большинство сэддэнцев – ярые сигнариты и предпочтение в молитвах отдают Аосу-Всесудье. Засим, очень тебе советую подумать дважды, прежде чем шутить с ними о богах-протекторах.

– Я запомню. Что же в-третьих?

– А в-третьих, самое важное правило пребывания в Сэддэне, – округлил глаза Стефан. – Больше всего на свете, тамошний люд не терпит воровства! Посему руки держи при себе... горе-воришка!

Львёнок недоумённо покосился на друга. Затем расхохотался во весь голос, чем вызвал недовольный взгляд обернувшегося в седле ученика кардинала.

– Ох, Стефан, ради Теней Силикуса! Ты придумал всё это только для того, чтобы поддеть меня?

– Не всё, – улыбнулся маг. – Про ярых сигнаритов – чистейшая правда.

– Ладно, это я смогу запомнить. Слушай, как ты считаешь, на кой чёрт кардинал послал с нами этих весельчаков? – Лео кивнул в сторону монашка и рагхарца, которые в этот момент объезжали по краю дороги длинный обоз купцов-низкоросликов.

– Кто его разберёт, что там творится в голове кардинала. Ты что-то имеешь против этой парочки?

²⁶ К Старым Богам относятся те боги, которых люди знали до Явления Дэуса и становления Сигнаризма.

– Не то что бы против, – кисло улыбнулся вор. – Просто не очень хотелось бы попасть под горячую руку варвара. Вон, гляди, какой у него меч громадный приторочен к выюкам. Таким разок махнёшь – и поминай, как звали!

– Ну, не все рагхарцы такие уж буйные.

– Ты это скажи тем портовым служакам, которые попали под сечу в Гавани. Помнишь, лет пять назад? Чего-то они там не поделили с рагхарцами, похерили какие-то бумаги, не хотели судно выпускать из порта... Варваров было всего пятеро, однако даже Ястребы не справились! За гвардией посылали и твоим любимым Орденом.

– Помню, – поморщился маг. – Громкий был скандал.

– Ага. Я ж тогда рядышком был, в кабаке портовом сидел, буквально в двух шагах. Тела опосля видел. Знаешь, жуть какая: человек, вроде, о броне был, в панцире да кольчужке стальной, а всё равно на две половинки легко разрубился. И таких вот половинок по всему порту было раскидано больше двух, а то и трёх десятков! Устроили нам тогда варвары кровавую баньку...

– Львёнок, пожалуйста, прекрати, – взмолился сильно побледневший Стефан, напомнив другу о плохом переваривании подобных тем для обсуждения.

– Прости, запамятовал. В общем, ты понял мои опасения. Этот Знавалод ещё и по-нашему хреново разговаривает.

– Завалон, Лео, будь добр запомнить. Чем меньше будем его провоцировать, тем лучше. И вообще, равнять всех под одну гребёнку – равносильно думать, что в каждой книге написаны одни и те же слова. Люди разные бывают. Какими бы делами ни славилось твоё племя, мы можем лишь предполагать, чего от тебя ждать, но, по-хорошему, каждая личность уникальна в своём роде.

– Однако ведь не зря говорят, что гравы вёдрами хлещут водку, кеиллиты трясутся над каждым листочком, а лесконцы простят тебе украденный кошель, но никогда – оскорблённую честь!

– Стереотипы – способ мышления людей глупых, необразованных и ничего в мире не видевших, кроме частокола родной деревни, – назидательно подняв палец, сказал Стефан. – Надо быть выше этого.

– Ладно, оставим здоровья в покое. К сожалению, не только он в нашей компании.

– Ну, а Юргант чем тебе не угодил?

– А, забудь, с этим и так всё ясно, – махнул рукой Львёнок. – Сразу видно – кардинальский прихвостень растёт. На меня видал, как зыркает? Словно я во время его службы забрался на алтарь и обильно там нагадил.

– Подведя итоги, Львёнок, очень прошу, веди себя с ними аккуратнее, хорошо?

– Лады.

Настал черёд друзей объезжать обоз купцов. Правил первой из четырёх еле плетущихся по дороге телег рыжебородый малыш-лепр²⁷ в зелёном кафтанчике и такого же цвета треуголке на голове. Рыжебородый карапуз попыхивал трубочкой и напевал себе под нос какую-то песенку. Уловив приятный, чуть горьковатый запах редчайшего табака низкоросликов, Львёнок справился у лепра о цене, затем выудил из-за пояса большой серебряник и обменял его на увесистый мешочек, размером с кулак. Тут же забив трубку и закурив, раскланялся с купцом и аккуратно ударил Сокола пяточками, догоняя Стефана.

– Не жалко денег-то на эту дрянь? – сморщился маг.

– Всё равно плачу из кардинальского кармана, – усмехнулся вор, сжимая зубами мундштук. – Слушай, а сколько нам тащиться до этих Холмов?

²⁷ Лепры – они же лепреконы – миролюбивый народ, относящийся к низкоросликам; имеют славу превосходных купцов. Именно лепры основали самый известный и надёжный в мире банк – «Четырёхлистник».

– За пару недель должны добраться, если не будем сильно задерживаться.

– И ещё столько же обратно! А сколько уж там проведём, я вообще молчу. Ох, день ото дня не легче.

– Чем ты недоволен? – нахмурился маг и опустил голос: – Ты, вроде, и так хотел уехать. Или я ошибаюсь?

– Да-да, хотел – и уехал. Но одно дело – по своей воле, а совсем другое – гонимый чужими пинками. Чёрт побери, меня ведь не было два года! Месяца не прошло, как я вернулся, и – на тебе, опять уезжаю...

– Я думаю, что в сложившейся ситуации уже без разницы, по какой причине. Особенно теперь, когда тебя разыскивают люди из Синдиката. Отъезд сейчас только на руку. Согласен?

– Согласен, – вздохнул Лео.

– Тогда чего ты такой кислый?

– Да я тут вроде как обещал кое-кому больше так не делать, – понуро отозвался вор. – Вот только опять исчез без предупреждения.

– Получается, в Люране ты зря время не терял, – хмыкнул маг. – Неужели в твоей жизни появилась та самая, единственная? Раньше тебя такие вопросы не волновали.

– Ну а теперь – волнуют.

– Уже пора готовиться к свадьбе?

– Отвали. Просто... Кхм. Именно её я не хочу обманывать. Вновь. Не спрашивай, почему.

Не хочу, и всё.

– Ладно тебе. В тот раз простила, значит, и сейчас простит.

– Мне бы твою уверенность...

В вышине неожиданно раздался приглушённый расстоянием вскрик птицы. По земле скользила кругами едва различимая тень. Друзья одновременно вскинули головы и разглядели маленькую чёрную точку, кружащую на фоне голубого неба и белых облаков. Крик повторился. Клич птицы был высоким, пронзительным и очень тревожным, опадая и поднимаясь вновь, словно пернатый крикун надсадно кашлял.

– Это ещё что за чудо? – буркнул Львёнок, прикладывая руку к глазам. – Во разоралось-то... Орёл? Или ястреб?

– Ни тот, ни другой, – бросил Стефан, хмурясь. – По звуку похоже на буревестника. Вот только я никогда не видел их так далеко от побережья.

– Ну, раз прилетел, значит, так надо.

Друзья ехали бок о бок, молчали, и каждый думал о своём. Впереди лежал длинный путь. Высоко в небе продолжал надрываться буревестник, оглашая округу высоким, беспокойным кличем.

Глава 5. Битва при Кровавой Лейке

- Как простому копейщику пережить атаку вражеской конницы?
- Обернуться молебным деревом!
- Это как?
- Врастаешь корнями в землю, выставляешь вперёд сучки и молишься всем известным богам!

Популярный армейский анекдот

«Пока господин держит речь, солдафон точит меч.»

Старая солдатская поговорка

Первые три дня ночевали в небольших деревушках и посёлках, что примостились вдоль главного тракта в огромном количестве – больше, чем кочек на болоте. Кушали сытно, по вечерам не отказывали себе в баньке и хорошем вине, а комнаты снимали далеко не из дешёвых. К чему экономить, когда за всё платит Церковь? Поездка, по большей части условий, была в удовольствие, нежели в тягость.

Однако в отрядном «духе» ощущался разлад, да и с общением пока что не клеилось, а становилось даже хуже. Юргант, с миной придворной матроны, презрительно кривил губы и косился на Лео, как на чумного бродягу, отчего вору периодически очень хотелось съездить кулаком по монашеским мордасам. Стефан держал нейтралитет ко всем, кроме Львёнка, и остальные спутники отвечали чародею той же монетой. А вот непробиваемому Завалону, казалось, было плевать на всё, лишь бы его не трогали. Пару раз Львёнок, во время ужинов в широких залах таверн, ненавязчиво пытался разведать, за каким бесом рагхарец увязался с ними, да и, в общих чертах, чего он забыл на земле семирийской? На все инсинуации вора варвар отвечал гордым молчанием и холодными взглядами, лишь изредка бормоча себе что-то под нос. Разок Лео решил пойти другим путём и даже попытался пошутить, мол, угадай-ка, Завалон, сколько нужно варваров, чтобы захватить одну крепость? Ответ заключался в следующем: ни одного, ведь варвары её не захватят, а разрушат! Озвучить продолжение шутки Львёнок не осмелился, ибо рагхарец после вопроса посмотрел на него таким мрачным взглядом, чем тут же зарубил на корню все надежды о положительном исходе. Вот в таком разобщённом обществе и двигались, каждый сам по себе.

Четвёртый день в пути ощущался Львёнком в полной мере. Он уже научился более-менее сносно держаться на лошади и по утрам даже мог слегка прикорнуть в седле, но натёртые ляжки, а особенно задница, озлобленно ныли и напоминали о том, что покатушки верхом – совсем не воровская привилегия. Стефан не выказывал никаких признаков утомлённости, Юргант тоже держался молодцом, а Завалон выглядел так, словно всю жизнь только этим и занимался. Отряд с рассвета и до полудня ехал через земли Мит-Дэрэлин, по лежащей чуть южнее основного тракта дороге, вдоль русла небольшой речушки под названием Лейка. До переправы через великую реку Кромас, которая отмечала границы Эвэдера и Сэддэна, чьим рукавом и являлась Лейка, оставалось не больше дня пути.

Наконец, дорога привела их к старому бревенчатому мостику. Перебравшись на тот берег, отряд оказался на границе раскинувшегося вдоль реки леса. Не успели они отъехать и на фурлонг²⁸ от моста, как их окружила группа оцетинившихся копьями солдат в оранжево-красных накидках поверх стёганок и кольчуг. Также тут были ещё и мечники, и даже пятеро конных наездников. На ветру реял треугольный стяг – красно-оранжевое поле с изобра-

²⁸ Фурлонг – единица измерения, равная примерно 200-м метрам.

жением чёрного вепря в ореоле соснового венка. Командовал ими кряжистый, седоусый вояка в пузатом панцире и морионе²⁹ на голове.

– Стой-постой, господа хорошие! – вытянул руку вояка, преградив путь. – Дальше нельзя! Заборонена дорожка, так сказать.

– Кем и по какой причине? – не очень приветливо бросил Юргант, натягивая поводья. – У нас срочное дело, не терпящее отлагательств.

– Дела-то у всех и всегда срочные! Однако ж бывают и таковые случаи, когда приходится обождать, – усмехнулся седоусый, подозрительно рассматривая хмурого варвара. – А заборонена мною, Фиганом Туско, командором Первой Дэрэлинской выездной дружины его превосходительства, господина Сибастана Гальди, на чьей земле и по чьей милости вы, так сказать, сейчас и находитесь.

– Вы так и не назвали причину бороньбы, господин Туско, – сказал ему в тон Стефан, равняясь с монахом. – Что-то случилось на дороге?

– Хе, случилось, уважаемые, ещё как случилось! – отозвался Фиган, сверкая зубами и щурясь на полуденном солнце. – Лесок вокруг видите? Так вот, сейчас у нас в здешнем леске рейд зачистительный!

– Какой-какой рейд? – переспросил Львёнок.

– Говорю же: за-чис-ти-тель-ный! Стало быть, чистим земли здешние от погани разноликой, ага.

– От какой такой погани?

– От самой, что ни на есть поганой погани! От той, которая гадит по округе да жить людям хорошим мешает.

– Вы говорите загадками, господин Туско, – бросил Юргант, с неприязнью оглядывая столпившихся вокруг солдат. – Однако же у нас нет ни времени, ни желания узнавать подробности вашей миссии. Вот, будьте добры ознакомиться с этой грамотой и поскорее освободить нам дорогу.

Командир дружины долгое время шевелил губами и бормотал прочитанное под нос, изучая протянутую монахом бумагу с белой печатью кардинала. Затем вернул её и пожал плечами.

– Столичные, значит? Прямоком из Миротауна? Вот же вас занесло в наше захолустье, уважаемые! Я, в общем-то, всё понимаю, сразу же заприметил, что вы у нас люди важные, по делам важнецким едущие. Вот только, к величайшему моему сожалению, всё равно не могу вас пропустить. Придётся, как и всем остальным, обождать.

Вояка указал на группу путников, ютившихся на окружённой деревьями поляне недалеко от дороги.

– Нет, это уже форменное хамство! – возмутился Юргант и натянул поводья топчущего землю скакуна. – Вы, господин Туско, точно грамотой владеете? Всё ли верно прочли? Если нет, то так и скажите – я услужливо повторю вам заключённое в грамоте предписание Святой Церкви. А писано в ней следующее: владеющим сей бумагой под строжайшей угрозой воспрещено преграждать дорогу и учинять прочие...

– Вы, молодой человек, хоть самого Белого Кардинала притащите за шкуру и заставьте пропеть всё это псалмами, – хмуро прервал монашка Туско. – Однако ж здесь больший вес над любой вашей писулькой имеет слово моего господина. Ибо, как гласит всем известная поговорка, каждый, даже самый занюханный князёк, на земле своей – царь! Вот и я честно исполняю его царёву волю.

Юргант гневно раздул щёки и собрался было ответить всё, что он думает о занюханных царьках, как в разговор влез Львёнок:

²⁹ Морион – шлем с гребнем и полями, сильно загнутыми спереди и сзади.

– Так в чём же заключается ваша миссия, офицер? Будьте добры разъяснить нам, дабы мы лучше понимали всю суть задержки.

Седоусый от неожиданного возведения его персоны в офицерский ранг раздобрел, зарумянился и лихо подкрутил усы.

– Как я уже говорил вон тому мальцу, здесь у нас рейд. Разбойников ловим, по лесам местным хоронящихся.

– Разбойников? – удивился Стефан. – Не слышал я, чтобы в здешних лесах было беспокойно от лиходеев.

– Хех, держите карман шире! – крикнул Туско. – Раньше-то, ещё с годик назад, всё тихушненько было, но не теперь. С тех пор, как из Бриттоли пошла молва о делишках Виссенской Братии, повадилась молодёжь безмозглая по всему королевству в лесные банды сбиваться и путников грабить.

О делах Виссенской Братии не слышал разве что самый ленивый из любителей кабацких баек. Некий человек, носящий прозвище Серый Лис, по слухам, то ли бывший йомен³⁰, то ли раубриттер³¹, сколотил пару лет назад шайку разбойников. Промышляли они тем, что под лозунгом «хватит с нас господского произвола» боролись против вселенской несправедливости господского мира. Проще говоря, били богатых да одаряли бедных. Со временем налёты мелкой банды на дома и замки разжиревших господ переросли в крупномасштабную войну окрепшего лесного братства с большими и малыми лордами. Особенно страсти накалились после того, как братство дерзнуло ограбить одного из королевских сборщиков податей. Крестьяне быстро полюбили Виссенскую Братию, и немудрено: те, периодически заезжая в бедные поселения, настолько щедро платили за провиант, оружие и другие виды услуг, что вскоре разбойников уже чуть ли не обожествляли и с нетерпением ждали в гости. В ответ лорды, пытаясь искоренить разрастающуюся в деревенских головах заразу, произвели несколько показательных акций: самых рьяных воспевал братства повесили, других пограбили и побили, сожгли пару сёл. В итоге подобными действиями лорды лишь усугубили ситуацию. Кричать о святости лесного братства крестьяне перестали, однако по деревням стали подниматься ропот недовольства властью и даже зачатки восстания супротив господ с предложениями, аки разбойничающие благодетели, тоже побросать поля и фермы, да рвануть в леса – жить славной и вольной жизнью! На том показательные экзекуции сразу же прекратились, крестьяне быстро остыли и вернулись к работе, но Виссенских Братьев всё равно не выдавали – даже за обещанное вознаграждение. Впрочем, это как раз таки никого и не удивляло – на кой чёрт отказываться от золотой кормушки в обмен на одноразовое угощенье? В итоге и полнилась земля слухами о благородных разбойниках и злющих лордах, меж которыми шла ожесточённая борьба за любовь и дружбу обычного сельского пахаря.

– Вот так и живём, господа хорошие, – вздохнул седоусый Туско. – Они тамось – в Бриттоли – воют на благо люда простого, а у нас тутась – в Эвэдере – всякие лентяи и дармоеды по пьяной лавке баек наслушаются и дуют в лес. А затем людей на дорогах обирают. Токма забывают наши разбойнички о том, что виссенские грабят господ богатых и раздают добро бедным, но не всех подряд под нож пускают.

– А что, уже случалось, что пускали? – деланно удивился Львёнок.

– Случалось! – буркнул командор и гневно сплюнул под ноги. – Здесь шайка, хоронившаяся поначалу, просто дань за проезд через лес брала. Потом наглеть стали, помимо денег ещё и на добро чужое лапы накладывать. А с месяц тому назад перепили своей сивухи лесной и тормознули телегу низкоросликов. Бородачи тоже хороши: нет, чтоб откупиться, так они в драку полезли! Вот и получили по бородам своим. Вот токма заодно разбойнички ещё и всех,

³⁰ Йомен – свободный, обеспеченный фермер, проживающий на своей земле.

³¹ Раубриттер – рыцарь-разбойник, вставший на тропу беззакония.

кто с ними в одном обозе ехал, порешили: детишек, женщин, стариков! Двадцать душ полегло под ихними ножами в лесах здешних... Тогда мой благородный господин и решил, что пора этот произвол кончать. Вот мы и здесь.

– Вы, конечно, не обижайтесь, уважаемый, – улыбнулся Львёнок, – но пока что вы только путников останавливаете да с другими беседы ведёте.

– Дык не всё ж сразу! – нахмурился Туско. – У меня в лесу ещё один отряд, карательный! Мы на днях их схрон обнаружили, придумали план молниеносной атаки. Ни один из этих червей живым не уйдёт, клянусь своими усами! Так что, пока мы тут лясы точим, мои молодцы там уже, как пить дать, пускают кровушку этим гадам. Нескольких бандюг я, конечно же, приказал оставить в живых – простому люду на потеху.

– О какой именно потехе идёт речь? – поинтересовался Стефан.

– О Пеньковой Джиге, – улыбнулся Туско. – Знаете такую? Это когда петельку на шею накидывают, и пенёк из-под ног вышибают. Очень зрелищное представление! Пляшут, аки черти на раскалённой сковороде.

– Но разве это человечно? – побледнел маг. – Это ведь такая мучительная смерть!

– Серьёзно? – прищурился Фиган. – А как вы предлагаете с ними поступать?

– Существуют разные способы умерщвления во имя закона, – забормотал Стефан. – Например, через отрубание головы.

– Не пристало простолюдину – тем более бандюге – помирать благородной смертью, – фыркнул вояка.

– Ну, можно хотя бы делать это быстро, – продолжил спорить маг. – Если на эшафоте, то при падении осуждённого даже с небольшой высоты смерть приходит моментально из-за разрыва шейных позвонков и спинного мозга. Это намного человечнее, чем долгая и мучительная смерть от удушья.

– Человечнее, говоришь? – заскрипел зубами Туско и ткнул пальцем в оружие в руках одного из солдат. – Сюда гляди, сынок! Эта штучка зовётся арбалетом или самострелом. Уж не знаю, кто её создал, но он явно ненавидел род людской. Арбалет способен в один миг отправить человека на тот свет – даже подходить к нему не придётся. Повезёт, ежели выпущенный из неё болт попадёт тебе в глаз, даже понять не успеешь, что помер! Но вот ежели, например, в брюхо... Ох, и долго же тебе придётся страдать перед кончиной. И такими вот болтиками здесь десяток человек было нашпиговано, аки пороса на праздник! Так что не надобно мне тут рассказывать про человечность. Помимо повешения, есть много других увеселений, таких как сожжение на костре или разрывание лошадьми. Ну а мы с этими ублюдками обходимся ещё вполне по-человечески. Гораздо мягче, чем они на самом деле заслуживают! Прав я? Или не прав, а, уважаемый?

– Правы, – буркнул бледный и нахмуренный Стефан. – Благодарю за разъяснение.

– Да пожалуйста. А что до вашенского вопроса – обождите. Немного осталось. Заодно и посмотрите, как в наши дни правосудие вершится!

– Безопасно ли держать народ так близко? – кивнул Львёнок на группу путников, пасущихся неподалёку от дороги. – Быть может, стоило бы людей подальше отвести?

– А чего бояться-то? – усмехнулся командир. – У меня тут двадцать копий закалённых, десятка мечников. Ещё столько же в лесу задают перцу этим гадам! А их всего-то человек пятнадцать. Нам это из достоверных источников известно!

– Ну, раз из достоверных, – пробормотал Львёнок, переглядываясь с остальными. – Давайте тогда подождём.

– Отъезжайте, отъезжайте, дайте лошадам отдыху да насладитесь хорошим представлением! – проводил их Туско, широко ухмыляясь. – Расскажите потом у себя в столице, как на окраине простые вояки безопасность родины поддерживают.

Помрачневший, что туча, Юргант неохотно направил лошадь с дороги, и остальные последовали за ним. Народ на поляне оживился, когда к ним подъехал разношёрстный отряд верхом на четвёрке породистых скакунов. Но осознав, что новоприбывшие просто-напросто оказались в том же положении, люд снова приуныл. Львёнок, осматривая толпу, заприметил только людей: пяток крестьянских семей с телегами, троицу купцов с фургонами, десяток пеших путников с заплечным скарбом, одного сигнаритского паломника без какого-либо имущества, да парочку высоких и плечистых субъектов в длинных кожаных плащах и широких шляпах с чёрными перьями. Первый – хмурый и небритый тип с бельмом на левом глазу; второй – полная противоположность, улыбчивый и весёлый, с аккуратными усами и маленькой бородкой. Именно эта парочка и привлекла внимание вора.

– Эй, Стеф.

– Что?

– Глянь на тех шляпников. Неужели Пугала?

– Да Львёнок, они самые, – понизив голос, ответил маг. – Ты когда-нибудь научишься подбирать выражения?

– А что такого? Их все так называют.

– А то, что официально эти люди зовутся Охотниками за нечистью. Употребляемое тобой слово – грубый, народный жаргонизм.

– Ну и что?

– А то, что вот тебя, вора-мастера, к примеру, назови карманником. Тебе понравится?

– Понял, не дурак.

Охотники за нечистью стояли в стороне, возле лошадей, и тихо о чём-то беседовали. Львёнок и Стефан, последовав их примеру, спешили, когда к ним подковылял загорелый от работы под солнцем, плешивый старик в грязной рубахе.

– Эгей, молодцы-милочки, чагой там слышно? – проямлил он. – Када уж энтот петух седоусый пропускать нас будя?

– Сказал, мол, как только разбойников закончит топтать, – ответил Львёнок, чем вызвал у старика громкий гогот. – Ждём, отец, ждём!

– А, забодал этот кудлатый хер! – махнул рукой старец, чем в ответ вызвал смех Льёнка. – Мы тутонки с рассвету пасёмси, а лиходеев я так и не видал. Совсем обнаглели эти вояки засратые, дорогу закрывать! Мне в два села до темну заглянуть надыть, а им хоть бы хны. Тык ишшо с энтими, чумными, стоять бок о бок приходится...

Крестьянин, сплюнув в сторону Охотников, осенил себя Сигной.

– Нехорошо так говорить, – хмуро бросил Стефан. – Они во благо королевства трудятся, вас – людей простых – от зла защищают. А вы их чумными обзываете.

– А шо ж, не чумные разве? – искренне удивился старец. – Недалече, в деревеньке Глинне, эти двое ведьму поймали да умертвили прилюдно. Оно, быть может, и хорошо, шо умертвили нечистую, да токма ведь руками своима колдунью трогали! Как пить дать, заразились от неё хворью какой волшебной. Это вам любой балбес подтвердит: хто с волшебством и чарами поганымя водится, тот сразу же и чумнеет!

Стефана аж перекошило, но старик продолжал, как ни в чём не бывало:

– А ещё говорят люди простыя, мол, у тех, хто с колдовством балуется, писюн покрывается бородавками, а опосля – так вообще отваливается! Потому все энти колдуны такие оболённыя на весь белый свет. Чары усякие есть, дабы бабу околдовать и склонить к прелюбодейству, а писюн-то уже того – на ветру болгается!

– Идите отсюда, добрый человек, – беззлобно бросил Львёнок, глядя на трясущегося Стефана. – К другим приставайте, а с нами не надо таких бесед вести.

Старый крестьянин изумлённо вылупился на обоих, словно у тех ослиные уши отросли, махнул рукой и, протянув «и-иэх, молодёжь!», заковылял обратно к своим.

– Ты чего так напрягся? – хохотнул Лео. – Подумаешь, старый обормот свои мысли высказал.

– Вот потому, Львёнок, мы до сих пор так и живём. Из-за тёмных людей с тёмными мыслями, которые ну никак не желают к просвещению двигаться.

– Просвещение, Стефан, дело-то хорошее! Только, к сожалению, оно мозгового труда требует. А люди – те ещё ленивые скоты.

Крестьянские детишки с воплями носились по округе и выглядели единственными, кому остановка была в радость. Остальные недовольно бормотали и бухтели. К друзьям подошёл Юргант.

– Мы теряем много времени, – недовольно бросил монашек. – Быть может, вы, ваше магичество, сможете убедить господина Туско пропустить нас, прибегнув к власти Ордена? Раз он не признаёт церковную.

– Я боюсь, что даже если мне это удастся, то ни церковная, ни орденская власть не защитят нас от обосновавшихся в лесу бандитов.

Юргант в ответ сделал физиономию в духе «серьёзно?», закатил глаза и молча ушёл. Львёнок, переглянувшись со Стефаном, пожал плечами. Вскоре, над деревьями взметнулись птицы. Затем из леса послышался нарастающий топот. Все оживлённо повернулись к скрывающейся за поворотом дороге.

– Бойцы, равняйся! – гаркнул, что есть мочи, Фиган Туско. – В боевой порядок, стро-о-о-йсь! Пики и мечи на дорогу – правь!

Скучающие копейщики тут же проснулись, построились в два ряда и ошетились копьями. Мечники встали чуть правее, скрывшись в кустарнике; конные – с противоположной стороны. Доносящийся из лесу топот набирал силу. Когда грохот копыт достиг апогея, из-за поворота выскочили конные в оранжево-красных куртках. Тринадцать всадников на взмыленных скакунах. Мчались изо всех сил. Копейщики так и застыли одним большим ежом, удивлённо глядя на приближающихся однополчан. Мечники вылезли из укрытия. Кто-то тихо выругался. Кто-то нервно посмеялся. Один лишь командор, видимо, страдая близорукостью, ничего странного не заподозрил.

– Ну, вот видите! Вот – орлы, вот они – красавцы! Несут благую весть о победе над супостатами! Я ж говорил, всё получится! Я ж... Э-э-э? Какого беса? – Туско, щуря глаза, наконец разобрал, в чём дело. – А где остальные, мать их раз так?!

Всадники приближались. В рядах солдат всё больше ощущалось волнение.

– Бегите! – крикнул первый всадник, резко осаживая коня. – Бегите отсюда, быстрее!

– Что? – изумился Туско. – Это как понимать? Что значит «бегите»?!

– А то и значит! – рявкнул солдат. – Мы проиграли! Их оказалось гораздо больше!

Конные, сбавив ход, принялись объезжать занявших дорогу копейщиков по широкой дуге, на самой границе деревьев. Только теперь стало заметно, что многие из всадников были изрядно потрёпаны, на одежке некоторых виднелась кровь; один так вообще чуть не падал с коня.

– Куда?! Как?! Пошто произвол устраиваете?! – закудахтал Туско. – А ну, быстро отчитаться по форме, коротко и ясно!

– Говорю ж, беда за нами пришла! – пролаял конный солдат, нервно оглядываясь на лес. – Сведения оказались ложными. Банда насчитывает свыше сорока голов, и это – только те, кого мы успели заметить! У них и коней больше, чем у нас, мечи хорошие, самострелы. Это разбойники нам устроили засаду, а не мы – им!

– Как так? – ошалел Туско. – Дезинформировали?

– Хуже, – мотнул головой солдат. – Облапошили!

Копейщики, подняв копы, стали нервно переглядываться, заволновались, нервно забормотали. Последний из конных, который лежал на шее своей лошади, наконец, приблизился,

и все увидели торчащие из спины оперённые древки стрел. Конь остановился, жалобно всхрапнул. Солдат медленно накренился в седле и свалился на землю.

– Божечки мои! – выдохнул Туско. – Совсем умертвили парнягу!

Пронзительно завопили крестьянские бабы. Зароптали мужики. А затем они услышали. Все услышали. Вновь нарастающий топот множества копыт. Откуда-то из-за деревьев. Всё ближе и ближе. Над лесом взметнулся задорный гул рожка. К нему присоединился ещё один. И ещё.

– Шо ж такое, – жалобно проскулил Туско. – Шо ж делать-то... Как быть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.